

Промислені Дітки

Татьяна Луганцева

ЖИЗНЬ ПРОШЛА МИЛО

Татьяна Луганцева
Жизнь прошла мило

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Луганцева Т. И.

Жизнь прошла мило / Т. И. Луганцева — «АСТ», 2016

Уходя из морга, не забывайте выключать свет и закрывать дверь, а то, не дай бог, покойники разбегутся. Яна Цветкова, случайно оказавшаяся в столь печальном месте, этого не знала, и после ее посещения один из «клиентов» пропал. Теперь у Яны два выхода – либо найти пропавший труп, либо оказаться на его месте. Жить госпоже Цветковой ой как хотелось, тем более что замаячила перспектива выйти замуж... в пятый раз. А потому Яна Карловна сломя голову пустилась на поиски «беглеца»...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Луганцева Т. И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Почём цветочек аленький?	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Татьяна Луганцева

Жизнь прошла мило

Почём цветочек аленький?

Глава 1

Яна Цветкова часто спрашивала себя, почему большинство неприятностей в ее жизни происходит на вечеринках, банкетах, корпоративах и прочих подобных мероприятиях? Идешь обычно на торжественный вечер в предвкушении чего-то радостного, нового, приятного – а не тут-то было!

Яне уже давно исполнилось тридцать пять, хотя она тщательно скрывала свой возраст. Это и понятно – ведь сейчас все глянцевого журналы твердят о том, что старость начинается после двадцати пяти, что к тридцати морщины уже бросаются в глаза и скрыть их без применения специальных дорогостоящих средств практически невозможно... А Яна хотела нравиться мужчинам.

Поэтому она тщательно придерживалась специально подобранного стиля – во всем, и в одежде, и в поведении. Обладая высокой и очень худощавой фигурой, она всегда покупала экстравагантные туфли на гигантских каблуках. В них она порхала как бабочка, чувствуя себя так же комфортно, как если бы на ногах у нее были уютные домашние тапочки.

Наряды Яна выбирала соответствующие – мини-юбочки и очень яркие облегающие платья с леопардовым или тигровым рисунком, подчеркивающие ее тонкую талию. Безвкусовный стиль дополняли всевозможные поддельные камни, блески, стразы и пайетки, бесчисленные кольца, цепочки, браслеты, сережки – дешевая бижутерия, приобретаемая в недорогих магазинчиках. Благодаря этим странноватым для женщины за тридцать нарядам ей удавалось выглядеть молодо.

Яна была уверена, что блондинки выглядят моложе брюнеток, поэтому давно уже приобрела привычку красить волосы в почти белый цвет. Из тех же соображений Яна выбрала совсем девичью прическу – длинные прямые пряди волос струились по спине, как у десятиклассницы. В руках у Яны обычно была огромная сумка с аляповатым рисунком. Чтобы найти в таком мешке нужную вещь, требовалась недюжинная смекалка. Ведь необходимые документы были перемешаны в ее недрах с безумным количеством неизвестно как попавших туда зеркалец, пудрениц, календариков и прочих никому не нужных мелочей.

Завершали необычный образ Яны иссиня-черная тушь, нанесенная густым слоем на ресницы, ярко-алая помада и облако сильно пахнущих дорогих духов. Обычно прохожие на улице оглядывались ей вслед, чтобы понять, от кого исходит такой резкий запах, а случайные собеседники старались отодвинуться подальше. Только больные гайморитом могли подолгу разговаривать с Яной, не испытывая дискомфорта.

Яна выбрала такой стиль не случайно. Дело в том, что он полностью гармонировал с ее внутренним миром. Она обладала весьма непростым характером и никогда не скрывала собственного мнения ни по одному вопросу, хотя далеко не всегда ее точку зрения разделяли окружающие. Яну переполняли эмоции, она могла неожиданно увлечься чем угодно, высказывалась весьма резко, глядя прямо в глаза собеседнику и не задумываясь, как ее поведение скажется на дальнейших взаимоотношениях с ним. Знакомые считали Яну экстравагантной и слишком эмоциональной особой, своеобразным вариантом блондинки, но не дурочки.

А уж о способности Яны Цветковой влипать в совершенно невероятные ситуации и совать нос в чужие дела ходили легенды. Говорили, что у нее особая аура, притягивающая неприятности, что она дружит исключительно с чудиками, не способными жить так, как обычные люди, что слишком отзывчива – поэтому к ней обращаются за помощью даже мало-знакомые люди, что слишком высокого мнения о своих умственных способностях... Так или иначе, Яна разгуливала по улицам Москвы с высоко поднятой головой и надменно вздернутым носом, всем своим видом подчеркивая: уж она-то в состоянии решить любую проблему, полагаясь только на собственные силы! Казалось, что у нее, по меньшей мере, имеется очень богатый любовник или высокопоставленный покровитель.

На самом-то деле в личной жизни Яне было нечем особенно похвастаться. Она четыре раза выходила замуж, причем дважды – за одного и того же мужчину, Ричарда Анисова, в результате второго брака с которым появился на свет единственный сын. В последний раз она сама ушла от мужа. Ее можно было понять – красавица без памяти влюбилась в Карла Штольберга, чешского князя, крупного бизнесмена, к тому же обладавшего исключительно импозантной и сексуальной внешностью. Но реальная жизнь редко похожа на сказку – поэтому на этот раз дело не закончилось свадьбой. Иностранному бизнесмену не смог бросить все свои дела и жениться на столь неординарной особе.

Хотя наша история разворачивается и не в Средневековье, но единственный потомок рода Штольбергов должен был заботиться о содержании доставшегося ему в наследство замка. Кроме того, для приумножения капитала ему приходилось без конца колесить по Европе. А бесконечные благотворительные мероприятия, светские рауты, приемы... Был бы Карл простым бухгалтером, а не титулованным миллионером, он, конечно, с радостью поселился бы в недавно отремонтированной трехкомнатной квартире в Москве вместе с любимой женщиной. Однако он не мог позволить себе такого удовольствия.

Яна тоже с негодованием отвергла предположение, что она может добровольно выйти замуж за князя – ведь тогда ей придется постоянно участвовать во всяких великосветских мероприятиях, придерживаясь принятого в этих кругах дресс-кода. А ей, чтобы сделать такой выбор, пришлось бы полностью уничтожить себя как личность. Жизнь под прицелом фотокамер, необходимость этикета – нет, такие сложности для Яны были неприемлемы.

Однако, отказавшись от мысли соединиться узами брака с Карлом, Яна не переставала ругать себя за это. Ведь в результате бурно развивавшегося и столь же бурно прекратившегося романа душевную травму получили и она сама, и муж Ричард, к которому Яна продолжала относиться по-дружески тепло, и сам Карл...

– Вот так всегда... Из-за меня вечно одни разочарования и неприятности, – жаловалась она своей ближайшей подруге Асе Юрьевне Кудиной. Асе Яна могла доверить самое сокровенное – так получилось, что они подружились еще в детском саду и секретов друг от друга не имели. Хотя Ася из маленькой девочки давно превратилась в уважаемого столичного адвоката, в отношениях между ней и Яной ровным счетом ничего не изменилось.

– Да ты, наверное, роковая женщина! – отвечала Ася и, задумавшись, добавляла: – Или просто дура, это смотря с какой стороны подойти к этому вопросу.

– Не знаю, с какой стороны на все это смотреть, но мне это неприятно! Я не хочу быть такой, но и характер свой унять не могу! Как быть, ума не приложу. Меняться в нашем с тобой возрасте уже как-то поздно, мне кажется, – не переставала жаловаться Яна.

– Тогда смиришься, что ты женщина. Дело все в том, что ты нравишься мужчинам, а что из этого получается, зависит не от тебя. Это скорее дело случая. Ведь тебе в жизни частенько везло, ты сама знаешь. Ну да, порой тебе присуща некоторая стервозность, так смиришься с этим, – усмехнулась подруга.

– Еще какие периоды счастья! Голову сносило! Казалось, что такого не может быть! Когда ты летаешь, словно на крыльях, или словно внутри моторчик! – соглашалась Яна.

– Просто у тебя в крови слишком много адреналина. Лучше бы ты с парашютом прыгала, чем экспериментировать с живыми людьми! И почему тебе так везет на достойных мужиков? – вздохнула Ася.

– Слушай, ты вечно знаешь ответ на любой вопрос! Вот сама-то такая умная, а тоже семью не создала. Воспитываешь одна двух девочек! – фыркнула Цветкова.

– Ты знаешь мою ситуацию... не сложилось... Я до сих пор периодически встречаюсь с сыном твоего бывшего мужа! Кому скажи – засмеют! Мы-то ровесницы! Сергей появляется раз в полгода, вечно сваливается как снег на голову, потом мы вместе неделю-две, и он снова исчезает, а я снова жду... Действительно, ты права. У меня ты ничему хорошему не научишься.

– Он археолог и путешественник, у него работа такая, не сбрасывай это со счетов, – не согласилась Яна.

– Нет, у Сергея образ жизни такой, а не работа. Страшно себе представить, что у него, может быть, в каждой стране, где он бывает, по такой же влюбленной в него дурочке. А сколько у него бывает случайных связей с молоденькими девчонками! Ведь он же молодой, активный, сексуальный и безумно притягательный! Он за несколько дней словно возрождает меня для полноценной жизни! Я забываю про обиды, трудности, долгие месяцы ожидания. Он для меня – как глоток воздуха! И история эта тянется уже пять лет. Мечтала я найти себе нормального мужика, который каждый день был бы рядом. Пыталась завести и любовника для здоровья, чтобы встречаться раз или два в неделю. Искала и находила, но никто не выдерживал сравнения с ним! И я просто выгоняла без объяснения причин очередного мужчину, который мог бы прожить со мной всю жизнь. Я знала, что скоро приедет Сережа – всего лишь на неделю... Ужас! Может, у меня что-то с психикой не в порядке? – задумывалась Ася.

– У нас с тобой одно заболевание. Скоро сорок лет, а ума так и нет! Хотя твое поведение как раз можно объяснить – это и есть любовь! – констатировала Яна, которая уже смирилась, что ее личная жизнь кончена и придется доживать в одиночестве.

Потосковать о несложившейся женской доле Яна любила. Казалось бы, у нее бывали страстные романы, она и замуж-то выходила довольно удачно, но вот почувствовать рядом надежное мужское плечо, на которое всегда можно было бы опереться в трудную минуту, так ни разу и не довелось. Хотя на самом-то деле все обстояло не так уж плохо.

После развода Ричард оставил Яне и сыну трехкомнатную квартиру – и в придачу домоправительницу Агриппину Павловну. Денег для жизни хватало. Ребенка полностью содержал Ричард. Яна тоже весьма неплохо зарабатывала. Это и понятно – ведь она, врач-стоматолог, пользовалась большой популярностью и у коллег, и у пациентов. Ее очень любили в стоматологической клинике, где она трудилась уже не первый год, легко прощали ей любые странности, обожали анекдоты и истории из жизни, которые Яна любила рассказывать, и действительно считали, что без Цветковой будни стали бы гораздо скучнее.

Зима заканчивалась. Казалось, что хорошая погода уже на пороге, то есть вот-вот наступит тепло и выглянет солнышко. Пока же на улице было отвратительно. Ночью подмораживало, на холодных лужах застывала ледяная корочка, а с утра все таяло и появлялась отвратительная слякоть. Как всегда в это время года, где-то вдалеке уже слышался вполне весенний щебет птичек, но одновременно проснулись все вирусы и микробы. Москву снова накрыла волна гриппов и острых респираторных заболеваний. В метро все кашляли и шмыгали носом – звучала ни с чем не сравнимая и давно ставшая привычной мелодия ОРЗ.

«Полгода – вирусы! Это же кошмар какой-то! Что за климат! Иммуитет с возрастом не вырабатывается...» – думала Яна за чашечкой кофе. Она еще со вчерашнего вечера подо-

зревала, что заболела. У нее першило в горле, пропало обоняние, слезились глаза, чувствовался сильный озноб – по спине бегали зябкие мурашки.

На кухне с сосредоточенным видом хозяйничала Агриппина Павловна, как всегда, в ярком фартуке. Лилась вода из крана, на плите что-то жарилось, в посудомоечной машине стояла посуда, работала вытяжка. Кофемашина собиралась угостить Яну очередной порцией кофе... Слышался привычный кухонный шум. Благодаря Агриппине Павловне все вокруг работало, было уютно и тепло.

– Что такая унылая сидишь? – Агриппина Павловна поглядела на Яну и привычно вытерла руки о фартук.

– Голова раскалывается. Шумно очень у нас, – пожаловалась Яна, стараясь, чтобы домоправительница не заметила, что она себя плохо чувствует.

– Раньше ты так не говорила... Чего шумно-то? С чего? – Агриппина Павловна посмотрела на Яну с подозрением.

– Все жарится, парится... Гудит, пищит, – попыталась оправдаться Яна.

– Ты не с той ноги встала? Что-то щеки красные, вид нервный. А это кухня, здесь всегда что-то готовится! По-другому не бывает.

– Чувствую себя не очень, извини... Позвони Ричарду, пусть заберет Вовочку из сада, не хочу его заразить. – Яна потерла переносицу.

– Хорошо. Ты ватрушки-то ешь... Тут вот и салатик есть, яичница с луком, – ставила перед ней тарелки и миски Агриппина Павловна, очень напоминавшая фрекен Бок из мультфильма «Малыш и Карлсон». На ее макушке красовался такой же пучок, а смешной фартук в горошек, с рюшами по краю, совершенно не подходил к грузной фигуре. – Есть-то всегда надо, иначе не поправишься.

Что Агриппина Павловна всегда мечтает накормить любого, давно выучили все ее знакомые.

– Не обижайся, но есть не хочу, прямо до тошноты. Кофейку выпью с лимоном... – Яна с трудом глотнула.

Домоправительница обеспокоенно приложила руку к ее лбу.

– Вроде не очень горячая, но, наверное, температура к вечеру поднимется, раз от моих ватрушек отказываешься!

– Да, кажется, я заболела, – ответила Яна, – знобит, но это не страшно, не переживайте. Эпидемия, время такое, да и погода соответствующая.

– Так выпей что-нибудь противовирусное, – посоветовала ей Агриппина Павловна и внимательно посмотрела на Яну.

– Выпила уже...

– Ты сколько лет как от Ричарда ушла? – вдруг, совершенно не к месту, спросила домоправительница.

Яна поперхнулась. Агриппина Павловна иногда любила начать беседы на такие вот неприятные темы...

– Ну что ты опять? У меня же и так голова болит! – взмолилась Яна.

– Так я... Ты решила, что я буду тебя опять осуждать и уговаривать не разрушать семью? Я совсем не про это... – сказала Агриппина Павловна.

– ...что Ричард меня любит и простит, – добавила Яна. – Что это была моя ошибка, что я – дура, и опять весь этот бесполезный треп... – уныло покачала она головой.

– Но вот видишь, сама все знаешь, – рассмеялась домоправительница.

– Так ты мне все уши прожужжала этими лекциями, без толку все! Уже надо понять и смириться... Это – пройденный этап, пусть и красивый, но пройденный...

– Так я давно уже смирилась. Действительно, разбитого не склеишь, потерянного не воротишь. Да и времени столько прошло... Лет шесть уж?

– Почти, скорее пять, – подтвердила Яна, облегченно вздохнула и снова пригубила кофе.

– Ричард, кажется, встретил женщину...

Яна поняла, что Агриппина Павловна имеет в виду Людмилу, гражданскую жену Ричарда, с которой он жил уже почти два года.

Именно с появлением Люды у Ричарда опять заблестели глаза, он начал снова улыбаться. Было понятно, что он счастлив и влюблен. Наверное, сейчас он не испытывал той бешеной страсти, которую когда-то чувствовал к Яне, но Людмила ему нравилась – это было ясно.

– Да, с Людой ему хорошо... Я рада за него, – кивнула Яна, и это было искренне.

Она сильно переживала за бывшего мужа и все время корила себя, что причинила боль хорошему, порядочному человеку.

– И я рада за своего мальчика. Вроде поговаривают, что Люда ребенка хочет, так у нашего Вовочки появится братик или сестричка. – Агриппина Павловна мечтательно задумалась. – А ты как на это смотришь?

Но Яна слишком плохо себя чувствовала. Ее немного подташнивало, и никаких других эмоций она не ощутила.

«Я стала бесчувственной... Даже ревновать разучилась. Ведь когда-то я безумно любила Ричарда! У нас общий ребенок, сейчас от него будет рожать другая женщина, а мне все равно!» Она поежилась:

– Пусть поторопятся. И Ричард не мальчик, и Люде под сорок. Хотя я буду рада за них...

– Успеют! Главное, что задумались об этом. Есть какие-то проблемы у Людочки. Но современная медицина творит чудеса! Ты бы узнала у Ричарда, как дела, а? Мне-то не говорят, но так хочется знать – жутко интересно. – Агриппина Павловна просительно глянула на Яну.

Та даже позабыла о своем недомогании:

– Агриппина Павловна, ты с ума сошла?! Чтобы я интересовалась у бывшего мужа гинекологическими проблемами его нынешней жены? Это уж совсем ни в какие рамки не лезет! За кого ты меня принимаешь?!

– Но ты так, по-родственному... по-доброму, – направляла ее Агриппина.

– Нет! Даже не проси! Какая я им родственница? Людочка твоя до сих пор ревнует Ричарда ко мне, спинным мозгом чувствую! Да и тебе должно быть стыдно такими вещами интересоваться. Это не повод для сплетен!

– Яна, ты медик! А Ричард и Люда ничего не смыслят в медицине. Что они понимают? Их обманут, заставят лишние деньги потратить... Но не это главное. Сама же сказала, что возраст у них, не могут они ждать и терять время! Ты бы узнала там... Нашла бы какого-нибудь крупного специалиста в этой области. Это важно!

– Я подумаю, только сейчас меня не грузи этим! Слышать не могу! Как я только им это предлагать буду? Все равно что в постель лезть! Я-то думала, что у них уже получилось...

– Ради Вовиной сестренки! Ради их счастья! – настаивала Агриппина Павловна.

– Я сама, может, еще рожу ему сестренку. Чего ты меня со счетов списываешь? – тряхнула длинной косой Цветкова.

– Да куда уже тебе! – махнула рукой Агриппина Павловна. – Если бы хотела или надо было, давно бы родила! Было от кого! Отработанный материал ты!

У Яны от возмущения даже дыхание сперло.

– Ничего себе, какого ты обо мне мнения! Вот оно и раскрылось! Конечно, мужчины могут становиться отцами в любом возрасте! И в шестьдесят, и в семьдесят, и в восемьдесят! А у нас, у баб, век короткий! И ты мне еще говорила о Ричарде и о том, как он меня любит... То есть любил! А сейчас что говоришь? Да у тебя сердца совсем нет! Я же тоже человек, я

женщина, да и с твоей Людочкой мы почти ровесницы! – Яна всхлипнула. Впрочем, может быть, это были симптомы начинавшегося насморка.

– Яна, успокойся! Ты же сама говорила, что давно ничего к Ричарду не испытываешь. Я и не думала, что ты так отреагируешь... Вы же дружите до сих пор, вот я и подумала, чего бы не помочь? А Ричард тебя сильно любил, и ты это знаешь. Он и сейчас тебя любит, но жить будет с Людой, и ты это тоже знаешь! Он ее не предаст. Что ты теперь хочешь?! Я предупреждала, что так случится... Он так долго был один. Зато у тебя неведомо что было с этим князем. А теперь – все! Людмила готова посвятить Ричарду жизнь, и они не расстанутся, даже если ты очень этого захочешь! – Агриппина Павловна опять вытерла руки о фартук, как будто стремясь сделать свои слова более весомыми.

– Ты меня не так поняла, Агриппина... Я не хочу разрушать их семью, но и облегчать отношения Ричарда с новой женой не собираюсь! Вот не буду ни за что. А насчет твоей просьбы я подумаю, – смягчилась она и отщипнула кусочек ватрушки.

– Вот и славно! Что и требовалось доказать! – Агриппина решила перевести разговор на другую тему и выглянула в окно. – Ого! Смотри, к кому-то «скорая» приехала... Я пойду посмотрю... Ведь к нашему подъезду...

И тут у Агриппины запищала духовка – значит, поспела вторая партия сногшибательных фирменных ватрушек. Яна знала, что если бы у нее сохранилось обоняние, она бы поела даже через силу. Никто не мог устоять перед непередаваемым ароматом ванили и свежего творога, за которым Агриппина Павловна специально бегала в шесть утра на рынок, к знакомым фермерам. «Там самый свежий творог! – говорила домоправительница. – Только что из-под коровы!» И никто не спорил, хотя волшебная корова, дававшая сразу готовый творог, всем казалась немного странноватой. Тесто у Агриппины тоже получалось невероятное – мягкое и пышное, настоящее произведение искусства. Но сегодня румяные кружочки с творожной начинкой не произвели на Яну никакого впечатления.

– Сама посмотрю! – сказала она.

– Куртку накинь! – крикнула ей вслед Агриппина Павловна.

Яна сунула ноги в резиновые сапоги с утеплителем и надела ярко-красный пуховик.

На лестнице она услышала, что в подъезде явно что-то происходит. Дверь соседки снизу Клавдии Ивановны была распахнута. Оттуда вышли женщина в белом халате и молодой мужчина с чемоданчиком с красным крестом.

– Как хотите... Хорошо, без носилок так без носилок. Сами тогда выходите, мы вас ждем, – сказал он, оборачиваясь назад, – поторопитесь.

Медики спустились по лестнице. Яна заглянула в открытую дверь. Растерянная Клавдия Ивановна металась по квартире. Она была одета в ситцевый халатик, но уже надела сапоги и набросила платок. Яна Цветкова хорошо знала свою соседку, интеллигентную, скромную и тихую женщину весьма преклонного возраста, учительницу на пенсии. Замуж она вышла поздно, когда ей было уже за сорок. Иван Тихонович был старше своей супруги почти на двадцать лет, и она у него была второй женой. Общих детей в их позднем браке не получилось. Клавдия Ивановна и Иван Тихонович прожили вместе пятнадцать счастливых и мирных лет, а потом он скончался. С тех пор прошло уже двадцать лет. Соседка жила одна, а о покойном супруге вспоминала с большой душевной теплотой. Об этом она сама рассказывала Яне.

Яна Цветкова всячески старалась помочь одинокой соседке, но та категорически не принимала денег и продуктов. Но Яна придумала – она приходила в гости к старушке и приносила с собой много всяких вкусностей, которые потом оставались у соседки.

А иногда Клавдия Ивановна заболела – у нее были не в порядке суставы. Тогда она разрешала купить ей лекарства и продукты, на которые обязательно выдавала деньги. Яна тогда потихоньку тратила большую сумму, стараясь, чтобы соседка не заметила.

– Клавдия Ивановна, что случилось? – спросила Яна.

– Ой, Яночка, как хорошо, что ты заглянула. Я что-то растерялась, уезжаю я, то есть увозят меня в больницу...

– Так это правда к вам?! – ахнула Яна. – Но что с вами приключилось?

– Давление... то есть я бы сказала, Яночка, что это – возраст... Нельзя жить вечно. Но и умирать в муках не хочется. Вот и вызвала... Такая боль в висках! Может, еще спасут?

– Клавдия Ивановна! О какой смерти вы говорите?! Не пугайте меня! Все будет хорошо! – успокоила ее Цветкова.

– Яна, какая ты хорошая! Я так рада, что мне повезло с соседями. Ты и Агриппина Павловна... Не знаю, что бы я делала без вашей поддержки... Мне пора, меня ждут. – Старушка перекрестилась.

– Я провожу вас до больницы! Все! Решено! Никаких возражений! Я вас знаю – если вы пообещаете, что сообщите, в какую больницу вас привезут, чтобы мы могли вас навестить, то все равно не позвоните, а телефона сотового у вас нет. Поэтому, если позволите, я поеду с вами до больницы и все узнаю, поговорю с врачом. Необходимо, чтобы в больницу провожал родственник или знакомый. – Яна была настойчива.

Клавдия Ивановна только плечами пожала.

– Спасибо тебе, Яночка. Едем... Очень не вовремя, очень... Я взяла тапочки, халат на мне, зубная щетка, в моем возрасте нельзя забыть и зубной протез, расческа, белье, чашка, ложка... еще тут... вроде все.

– Если что-то забыли, позвоните, я привезу, – пообещала Яна.

– Хорошо... едем... вот ключи от квартиры, – сказала Клавдия Ивановна. – Присматривай за ней, если что... И цветы поливай, пожалуйста. Вроде все...

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. Вы должны думать о своем здоровье, а за квартиру не беспокойтесь.

Яна взяла два пакета и помогла Клавдии Ивановне спуститься на улицу, где ее ожидала машина «скорой помощи».

– Это моя родственница, она со мной, – сказала старушка врачу.

Все уселись в машину и тронулись в путь.

Клавдия Ивановна прилегла на носилки и посмотрела на Яну. Она задыхалась, на лбу блестели крупные капли пота, губы пересохли.

– Так некстати, – повторяла старушка.

– Болезнь всегда некстати, как к ней можно подготовиться? – откликнулась Яна. – У всех бывает.

– Болезни я не боюсь... Больше тебе скажу, честно говоря, я и к смерти готова. Как-то ждала даже... Ведь где жизнь, там и смерть. Мне уж за восемьдесят! Сказали бы мне раньше, что я доживу до таких лет, не поверила бы. Чего уж говорить? Хорошо пожила, все повидала. Ученики благодарные были... мужчина любимый был, мир повидала. На здоровье не жаловалась... Да все хорошо было. Вот детей не получилось – жалела об этом сильно, зато вот в старости такие замечательные соседи у меня появились, опять одинокой себя не чувствую. Так что я прожила очень хорошую, достойную жизнь.

– Прекратите! Клавдия Ивановна! Вы и правда как будто прощаетесь! Это уже не смешно! Вы еще бодрая женщина, сами говорите, что ничем серьезным не больны. Вам еще жить и жить, все будет хорошо, – погладила ее по руке Яна.

– Яночка, я тебе квартиру отпишу, – словно не слышала ее Клавдия Ивановна.

– Да вы с ума сошли? Не надо мне! Вот уж совсем ни к чему. – Яну снова начало знобить.

– А зачем она мне? Сама подумай. Наследников нет. С собой не забрать же? А так государству отойдет и еще неизвестно, кому достанется. А я тебе хочу отдать... имею право. Женщина ты одинокая, сын у тебя... Пригодится. – Соседка будто уговаривала ее.

– Вот уж точно, одинокая, – вздохнула Яна.

– Сыну уже десять лет, мальчик растет. Не успеешь оглянуться, как девушку себе приведет. А тут раз – и квартира для молодых! Поверь мне, это идеальный вариант! Ты и жить с ними не будешь, мешать вы друг другу не станете, и в тоже время совсем рядом окажешься! И внуков тебе смогут подбросить, когда молодежь гулять пойдет, – настаивала соседка.

Яна замерла. Ее почему-то поразило не то, что эта старая женщина собралась отписать ей квартиру, а то, что разговоры о старости коснулись вдруг и ее саму. Ведь она еще об этом и не задумывалась. Клавдия Ивановна вдруг ясно дала понять, что Яна одинока и надежд, что она еще сможет создать счастливую семью, уже нет, по крайней мере, окружающие в это не верят. Сын вот-вот вырастет, она станет бабушкой. И все кончится? Об этом даже задумываться было страшно. Вот мы глядим на детей, умиляемся, что они быстро растут, и не задумываемся, что сами тем временем не растем, а стареем.

– Яночка, что с тобой? Тебе плохо? – забеспокоилась Клавдия Ивановна. – Что-то ты побледнела.

– Мне? Что вы! Это вам плохо! Это вас везут в больницу! – напомнила ей Цветкова.

– Кому там еще плохо? Не хватало нам! Скоро доедем уже! – крикнула им, обернувшись, докторша.

Клавдия Ивановна улыбнулась.

– Спасибо за предложение, но я против! Вы вернетесь домой и проживете еще сто лет! – Яна вернулась к прежней теме разговора.

– Но составить завещание в твою пользу мне никто не помешает. Вызову нотариуса прямо в больницу! – Клавдия Ивановна была непреклонна.

– Но я же вас прошу этого не делать, – сказала Яна.

– А я поступлю так, как решила, – возразила соседка. – Только у меня к тебе, Яночка, будет просьба, еще одна...

– Все что угодно!

– Для этого мне надо кое-чем с тобой поделиться. – Соседка смущенно огляделась, как будто боялась, что их кто-то может услышать.

Машина резко затормозила.

– Приехали! Сейчас вас оформим, положим и сразу же обследуем! – распахнула заднюю дверцу женщина-врач.

– Ну, я пока не буду мешать. – Яна поднялась. – Подожду, узнаю, в какой вы палате, а чуть позже опять приеду...

– Только обязательно приезжай! Мне надо поговорить! – забеспокоилась Клавдия Ивановна. – Я уже решила...

– Конечно, я вернусь. – Яна поняла, что обратно ей придется ехать на такси, но и дома она не сможет расслабиться, принять горячую ванну, выпить необходимые лекарства. Эх, надо опять отправляться в больницу – ведь она обещала соседке. А обещания Цветкова выполняла.

Глава 2

Яна вернулась домой. Ее уже так сильно знобило, что она не выдержала и все же залезла в горячую ванну. Согреться так и не удалось, а вот плохо стало, бешено заколотилось сердце. Она еле выползла из ванной и все-таки взяла градусник.

– Тридцать семь и пять! Я так и знала... Началось! Самая противная температура. А я еще и в ванну залезла! Вот уж чего не стоило делать...

Она приняла жаропонижающее.

– Яна, иди сюда, выпей горячего чая. Я тебе меду положила, а вот варенье закончилось. – Агриппина Павловна ждала ее на кухне. – Вот куда ты поехала? Ведь уже чувствовала себя плохо! – покачала она головой. – Потом бы узнали, что с Клавой. Знаю я ее, небось забывала таблетки принимать от давления. А Вову забрал Ричард, там...

– Что?

– Да ничего, – отвела домоправительница глаза.

– Что? Ричард опять деньги оставил? – нахмурилась Яна.

– Алименты, – тут же сказала Агриппина Павловна, – это святое.

– У тебя все святое! Эти алименты он дает каждую неделю, не многовато ли? – не сдавалась Яна. – Нам не нужно столько денег! Пусть он теперь на свою Люду тратит! У него же новая семья. Это будет справедливо.

– Ты же знаешь, что Ричард – бизнесмен и денег у него хватит на всех. Если дает – бери, я так думаю. Ты прямо из всего проблему делаешь! Посмотрела бы я, как бы ты заговорила, если бы он не давал денег?! Все вам что-то надо, бабам! И этак неправильно, и так не годится, – нахмурилась Агриппина Павловна.

– Ты так говоришь, словно сама не женщина, – удивилась Цветкова. – Мне бы еще бывший муж стал бы одинаковые кольца или шубы с нынешней женой покупать! Так сказать, пометить территорию и обозначить границы своего гарема. Я запрещаю тебе брать от него деньги так часто! Если надо было, могла бы у меня попросить, у меня есть деньги! Я работаю, между прочим! – злилась Яна, чувствуя, что ее снова начинает знобить.

– Чего ты завелась-то?! Если заболела и плохо себя чувствуешь, то я тут ни при чем! Можно подумать, Ричард меня слушает! Дал – да и все! Я уже тебе и не говорю, когда он дает, знаю, что злиться будешь, а если не взять, то он будет злиться. Надоели вы мне оба! Всю жизнь свою на вас положила, а теперь между молотом и наковальней оказалась на старости лет! Не хочу больше ничего! – Домоправительница швырнула полотенце на стул и с гордым видом вышла из кухни.

– Ну и пожалуйста! Ну и обижайся! И вообще, по-моему, мы тебе больше не нужны! Скоро Людочка родит маленьких внучек, и ты бросишься помогать им! Что Вова? Вова – уже большой! Там ты будешь больше нужна! А Вова вырастет, и отец деньгами переманит его к себе, они и так в великолепных отношениях! Все! Я останусь одна, одинокая, старая и больная! И внуки ко мне не придут! Будут говорить, что я бабка, злая как Баба Яга! А Клавдия еще решила мне квартиру отписать! Да зачем она мне нужна?! К чему? У меня уже нет будущего! Таких замечательных мужчин я упустила! Счастья не обрела! Идите все куда хотите! Бросайте меня! – Яна сорвала голос от крика и заплакала.

Через секунду на кухню заглянула заплаканная Агриппина Павловна.

– Температуру померь! – сказала она.

– Мерила уже! Тридцать семь и пять!

– Еще померь, говорю! Наверняка поднялась! Несешь ересь какую-то... Бред просто! Какие-то внуки... Баба Яга...

– Я останусь одна, и мне себя жалко! – Яна захлюпала носом.

– Да куда мы с Вовой от тебя не денемся! – подошла к ней домоправительница.

– Даже если там появится маленький? – уточнила Яна голосом обиженного ребенка.

– Даже если их десять появится! Я от Вовы – никуда! Им придется искать другую няньку, да хоть десять нянек! Я своих не сдаю! Ричард – большой мальчик, и он не в счет! Я давно поняла, что должна быть рядом с такой бедолагой, как ты, и с твоим маленьким сыном, а Ричард-то как раз парень самостоятельный!

– Честно? – высморкалась Яна.

– Какая же ты дура! Ведь ты для меня тоже давно стала родной! – Агриппина неожиданно опять заплакала и вытерлась все тем же фартуком.

Они обнялись и зарыдали уже вместе. Получился настоящий водопад слез.

Когда слезы перестали течь, Яна, не слушая возражений Агриппины Павловны, собралась и поехала на своем красном «пежо» в больницу к Клавдии Ивановне. Она помнила, что соседка хотела ей сказать что-то важное. Даже не сказать, а попросить! Именно попросить... И Яна отправилась, хотя ее всю трясло. Она не могла оставить старого, больного человека в одиночестве в больнице, тем более что обещала помочь.

Глаза слезились, из носа текло, а в горле першило... Яна включила в машине печку, но все равно никак не могла согреться. Ей было холодно, хотя в салоне дышать уже было нечем.

К больнице она подъехала в кошмарном настроении. А вот Клавдия Ивановна, наоборот, выглядела очень даже неплохо. Она лежала в общей палате, читала книжку, захваченную с собой из дома, и выглядела вполне умиротворенно и совсем не производила впечатления больной.

– Ой, Яночка! Я уже и не надеялась тебя сегодня увидеть! – Старушка захлопнула книжку и приподнялась.

– Лежите-лежите... Как вы себя чувствуете? – спросила Яна.

– Анализы взяли, доктора вроде ничего... Уколы сделали, зрение, кажется, нормализовалось, голова не так болит уже, значит, давление упало. Кризис миновал. – Соседка улыбнулась.

– А я, знаете, на рынок все-таки поехала, вот и в магазине купила вам кое-что. – Яна поставила пакет на тумбочку.

– Яночка, ну зачем ты беспокоилась? Столько хлопот на тебя навалилось! Вот ведь я – старая дура!

– Не волнуйтесь! Я же должна отработать хату. Тут вот вам конфеты с мышьяком и фрукты с цианидом! Быстрее въеду...

– Шутница ты, Яна! Такая девушка хорошая, а в жизни не повезло... Безобразие! – Клавдия Ивановна засмеялась.

– Я с вами полностью согласна! В тюрьму бы посадить всех мужиков, которые на меня внимания не обращают, – согласилась Цветкова. – И начать с меня надо, так как сама никого не замечаю... Вот она, старость.

– Яночка, ну что ты такое говоришь? На меня посмотри, у меня вот старость... – не согласилась соседка.

Яне казалось, что в палате очень холодно. На нее смотрели три пары любопытных глаз. Все соседки Клавдии Ивановны были женщинами пожилыми и явно любили посплетничать.

– Вы поговорить со мной о чем-то хотели. – Яна зевнула. – Извините, что-то разморило в машине.

– Да... – Клавдия Ивановна осмотрелась, давая понять, что хотела бы поговорить без посторонних. – Давай, Яночка, выйдем. Пройдемся до зимнего сада в конце коридора, – предложила она.

– А вам можно ходить-то? Сердце?

– Да все в порядке. Я чувствую себя хорошо.

Клавдия Ивановна вышла из палаты под руку с Яной.

– Скучно здесь, в больнице, уныло как-то, – отметила Яна.

– Кто же тут развлекать будет? Конечно, скучно... Не дискотека же, – лукаво посмотрела на Яну соседка. – А как ты внутрь-то попала? Сейчас же не часы приема. Поздно, все ушли и посетителей нет.

– Знаете, звук шуршащей купюры способен нейтрализовать любого охранника, – ответила Яна, снова зевая. – Ой, извините.

– Вот ведь вечно у нас так, – покачала головой Клавдия Ивановна, присаживаясь в плетеное кресло-качалку. – Днем все время занято было... Наконец-то я добралась до кресла, тоже хотела здесь посидеть... всю жизнь мечтала и у себя в квартире иметь такой зеленый уголок. Но у нас всегда были маленькие квартиры, для цветочков места не оставалось.

Рядом с большим окном вокруг фонтанчика стояли пять плетеных кресел и росли растения в керамических горшках. Яна села в кресло, показавшееся ей очень неудобным. Клавдия Ивановна уютно покачивалась в соседнем кресле. Раздалось легкое поскрипывание. Не хватало только пледов и чая.

– Я не такая хорошая, как ты думаешь... – начала старушка совершенно неожиданно.

– А я и не считаю, что у вас нимб над головой или крылья за спиной. У каждого человека что-то в жизни случалось... – пожала плечами Яна.

– Свой скелет в шкафу, – медленно и нараспев произнесла Клавдия Ивановна.

– Вот-вот. Ой, не люблю я про скелеты. – Яна нервно дернула худым плечиком.

– Вопрос только в количестве костей, – сказала Клавдия Ивановна, не замечая болезненного состояния собеседницы. – У кого-то это одно ребрышко, у кого-то тазобедренная кость, а у кого-то полноценный скелет.

– Никогда не задумывалась об этом, – улыбнулась Яна. – Надо будет на досуге примерно подсчитать, какое количество костей может быть у меня? Вдруг уже на пару скелетов наберется?

– Моя беда, что своего мужа Ивана Тихоновича я слишком сильно любила. Пересидела я в девках... И когда после сорока вдруг узнала, что такое любовь, ласка, то совсем разум потеряла... Замужем я расцвела, жизнь открылась для меня по-новому, и я была готова на многое. Никогда для меня не было секретом, что я вторая жена, но муж тщательно скрывал информацию о своей бывшей семье. Вроде как очень плохо он расстался с прежней женой – она загуляла, нашла себе другого, и ему было больно об этом вспоминать и говорить. Я знала, что у него двое сыновей. Были они маленькими совсем, когда тот брак распался, но жена запретила ему общаться с детьми. Она хотела, чтобы мальчики привыкли к ее новому мужу и называли его отцом. Иван Тихонович любил первую жену и согласился на ее условия, но всю жизнь очень переживал. А я его так жалела... У меня-то детей не было, но я представляла, насколько это тяжело – не общаться со своими сыновьями. Словно ты лишен чего-то главного и важного. Я пыталась как могла помочь мужу, отвлечь его, что ли...

Яна смотрела в темное небо за окном и слушала монотонный рассказ соседки. Страшно захотелось спать, но она держалась из последних сил.

– Я мечтала родить ребенка, да это и понятно. Во-первых, теперь у меня был муж и я могла себе это позволить, а то всю жизнь с чужими детьми возилась, а в прежние времена такое занятие считалось позорным. Во-вторых, захотела мужа возродить к жизни, думала, что общего сына никогда бы не отняла у него, ни при каких условиях... Да и как тяжело под старость без детей-то. Такие вот у меня были обычные женские мечты. Но забеременеть мне не удалось, возраст был уже не тот, – вздохнула Клавдия Ивановна. – Это сейчас многие после сорока рожают, а в мое время врачи даже разговаривать со мной не хотели. Мол,

собралась на старости лет ребенком обзавестись... Даже и не обследовали, и не лечили... Так вот... Нет, и все...

– Вы не печальтесь... Что теперь об этом говорить, – решила подбодрить соседку Яна, не понимая, зачем та рассказывает ей о своих давнишних проблемах.

Чем она могла теперь помочь? Ведь прошлого не воротишь. Яна подумала, что она тут уж совершенно ни при чем.

– Да что уж теперь печалиться? Жизнь прошла. А потом Иван Тихонович заболел, слег. Сердце у него пошаливать стало, это и понятно – ведь восемьдесят уже исполнилось. Я ухаживала за ним, старалась быть примерной женой... Кормила, поила, бегала по врачам, лечила, исполняла все прихоти и желания. Бывало, проснется он с утра, потянется и говорит мне таким слабым, сладким голоском: «А не сделаешь ли ты мне, мать, каши овсяной на молочке? Но не просто, а с клубничкой свежей!» Я терялась даже. «А где же я возьму тебе свежей клубнички зимой-то? – спрашивала я. – Может, просто каши?» – «А ты сгоняй на рыночек, где все есть, и купи своему больному ребенку-мужу. Что тебе еще делать?» – отвечал он мне – вроде бы шутил. «Знаешь, это очень дорого, нам наших пенсий не хватит на такую еду, даже если я сбегаю на рынок», – говорила я ему, пыталась вразумить.

– Логично, – согласилась Яна.

– Но Иван Тихонович не сдавался, он предложил мне пойти подработать, – вздохнула соседка.

– Что?

– Так и сказал, что я еще в полной силе, мне надо выхаживать больного мужа и для этого, чтобы появились лишние деньги, могла бы взять подработку... Пол помыть в подъезде, нянечкой пару часов где-нибудь посидеть, сторожем на пару ночей... Могла бы постараться, уговаривал меня муж... И я все время бегала, суежилась. Где-то перехватывала, занимала...

– Работали для него?

– Подрабатывала, – поджала губы Клавдия Ивановна.

– А он? – оторопела Яна.

– Ел клубнику... Не смотри на меня так, это все любовь... Я так боялась, что мой Ваня умрет, и все делала, чтобы облегчить его страдания... Так вот, черт меня дернул отыскать его предыдущую семью. А может, само провидение подтолкнуло, чтобы глаза мои хоть под старость открылись, – вздохнула соседка.

– А зачем вы решили их искать? – спросила Яна, ежась от нестерпимого озноба.

– Мне казалось, что груз у него на сердце – ведь он умирает, а рядом детей его нет. Я думала, что из-за этого и сердце у него заболело. Несправедливо это все. Дети маленькие были, а их лишили родного отца... Хотела семью воссоединить, насмотрелась разных передач, где родственники через много лет встречаются и плачут от радости. И нет ни злости, ни обиды, сплошные положительные эмоции. Все друг друга прощают и становятся счастливыми!

– Это все остается за кадром, – сказала Яна. – Иногда обиды живут дольше людей.

– А я вот не подумала. – Клавдия Ивановна снова погрузилась в размышления, а Яну с новой силой потянуло в сон.

Но она тряхнула головой и кашлянула.

– Семья Ивана Тихоновича встретила вас в штыки? Они выложили все, что думали о вас в течение всех этих лет? Оскорбили и унизили? – поинтересовалась Яна, стараясь сосредоточиться.

– Нет... Совсем все не так... Я столько времени потратила на поиски – ты себе и представить не можешь... Семьи-то у него уже не было, как выяснилось...

– Вообще? Обманывал? – удивилась Яна.

– Ты послушай... Рассказ о том, как мне удалось все выяснить, очень долгий и скучный, поэтому некоторые подробности я пересказывать не буду... В конце концов я узнала, что Иван действительно был женат на женщине по имени Анастасия. Она точно так же, как и я, всю жизнь посвящала ему, а потом забеременела и родила двух мальчиков, не близнецов, а двойню... То есть родились они вместе, но оказались не похожи друг на друга.

– Я понимаю, в чем разница между близнецами и двойней, – откликнулась Яна.

– Тут-то все и изменилось... Двое маленьких детей сразу! С одним-то возни сколько, а тут... Один плачет, другой подхватывает. Одного перепеленаешь, потом другого... А всех этих современных памперсов тогда еще и в помине не было. – Клавдия Ивановна вздохнула.

У нее на глазах показались слезы, и сонное состояние Яны улетучилось само по себе.

– И наш Ваня взбунтовался. Он всю жизнь жил в свое удовольствие, женился после сорока, когда понял, что его ожидает одинокая старость. Он мечтал не о семье и наследниках, жена должна была стать для него бесплатной домработницей и любовницей одновременно. А когда появились дети, они разрушили его искусственный мирок, лишили его спокойствия, привычный образ жизни стал невозможен. Два орущих котенка мешали жене заботиться исключительно о нем. И он совершенно спокойно ушел из семьи, бросил в весьма бедственном положении. Жена много раз пыталась пробудить в нем совесть, хотела, чтобы он помогал деньгами, что-то давал детям. Но Иван Тихонович раз и навсегда вычеркнул их из своей жизни. А дальше у Анастасии и мальчиков наступили совсем черные дни.

– Но что может быть хуже?

– Так вот, одного ребенка звали Владимир, а другого Евгений. Владимир заболел лейкозом, понадобилась пересадка костного мозга.

– Ужас... Просто как в сериале.

– Точно! Столько всего навалилось на одну несчастную семью! У матери не оказалось совместимости для донорской пересадки, и обратились к Ивану. По группе крови и другим показателям он подошел. И... Я не могу говорить, Яна, мне так тяжело... Я жила с этим человеком... Он отказал своему умирающему сыну, не согласился на пересадку. В это невозможно поверить!

– Боже мой...

– К сожалению, это факт! Я своими глазами видела отказную бумагу, подписанную им в больнице, – сжала кулак соседка.

– Как же это так? У него что, вообще сердца не было? Он же все-таки хомо сапиенс, то есть человек разумный? – Яна покачала головой.

– Я не замечала, что он такой бессердечный... Любовь слепа, как известно...

– И что произошло дальше? Вова умер? – затаив дыхание, спросила Яна.

– Нет... Впервые сделали такую вот операцию – взяли материал у его брата. Женя был такой маленький... Он стал самым юным донором в истории. Дети выжили. А вот у Насти после таких потрясений здоровье резко ухудшилось, она заболела и умерла. Тогда снова обратились к Ивану Тихоновичу – просили взять сыновей к себе, и он опять отказал. Я видела собственными глазами и его письменный отказ от детей. И вот я думаю, что же он был за человек такой? Ведь у нас детей не было, неужели я бы отказала в доме и любви двум мальчикам? – Клавдия Ивановна задумалась.

– Он знал, что не отказала бы, и опять бы все внимание доставалось детям, – ответила Яна. – Он просто чудовище.

– Ребят отдали в детский дом, где они прожили лет пять. Я сказала ему, не сдержалась...

– Когда он в очередной раз попросил клубнички? – усмехнулась Яна.

– Именно! Я сказала ему в лицо, что все знаю, что не понимаю, как он смог так жестоко поступить с собственными детьми. А в ответ только и услышала, что я – полная дура, что

он никогда бы больше не допустил появления детей в его жизни, что он прошел какую-то медицинскую процедуру, чтобы ни одна женщина больше от него не забеременела.

– Господи! – ахнула Яна. – Да он просто подлец! Он и вас обманул!

– Вот и я о том же. Он смеялся мне в лицо. Я все эти годы лечилась, мучилась, ждала. Я ждала каждый месяц, потом отчаивалась. А оказалось, что он все знал? Он прекрасно знал, что у нас никогда детей не будет, и ничего мне не говорил! Знаешь, Яна, в какой-то момент меня охватила такая ненависть и злоба, что перед глазами потемнело. Я... я... – Старая женщина закрыла ладонями лицо.

– Что? – замерла Яна.

– Я убила его, – вдруг совершенно спокойно сказала Клавдия Ивановна, словно освобождаясь от тяжелого груза.

– Как?

– Я его убила! За то, что он уничтожил жизнь первой жены, что так относился к своим мальчикам, за то, что он издевался надо мной. Ведь я была младше его, я обеспечила ему уход в старости, а кто позаботится обо мне, если он подло обманул меня и лишил возможности родить ребенка? Да, я убила его... И я отдаю себе отчет в содеянном, поэтому и призналась тебе.

Повисла тяжелая пауза. Яна осторожно оглянулась по сторонам – ей было страшно, что кто-то посторонний мог услышать признание Клавдии Ивановны.

– Но как? – Яна не узнавала собственного голоса.

– Что? Как я это сделала?

– Ну да... Я этого даже и представить себе не могу.

– Рисуешь в своем воображении кровавые картины, думаешь, что я разбила ему голову утюгом или задушила подушкой? Ха! Хотя извини... Это мое воображение рисует мне такие картины... Я думала на эту тему. Все было гораздо проще. У него прихватило сердце, и меня не оказалось рядом, я не смогла помочь, не смогла сбегать в аптеку, а лекарств своих он тоже не нашел, внезапно они закатились куда-то, понимаешь? Так вот банально.

– Класс, и не подкопаешься! Даже убийство по неосторожности не пришьешь, – вырвалось у Яны.

– Точно... Я вернулась из парка, он был уже мертв, я вызвала «скорую» и долго плакала. Вышла на минуту в магазин, вернулась – а уже все кончено. Лекарства я совершенно цинично положила рядом с ним. Мол, у него в последнее время были проблемы с мозговым кровообращением. Он терял память, забывал принимать таблетки... Мог подумать, что уже принял лекарство, а сам и не принял. Чем и подписал себе смертный приговор... Не знала, что во мне проснутся актерские способности. А еще я плела сказку о том, что у Ивана Тихоновича совсем испортилось зрение и он мог не заметить спасительные пилюли. Как я рыдала! Я рвала на себе волосы, ругала себя за то, что зря так не вовремя вышла в магазин. Даже следователь меня успокаивал, что нельзя все предусмотреть – ведь я же не могла двадцать четыре часа быть прикованной к постели тяжело больного мужа. Рано или поздно я бы отошла от него, и с ним всегда могло случиться что угодно... Да и соседи подтвердили, что жили мы с Иваном Тихоновичем душа в душу, я за ним ухаживала, без конца хлопотала... Ни у кого не возникло и капли подозрений, что тут не так все просто. Думаю, вскрытия на самом деле и не делали, не искали нарушения мозгового кровообращения. Да и возраст у него уже был...

– Я думаю, что у вашего Ивана Тихоновича с детства всю жизнь были такие нарушения, раз он мог столько всего натворить, – проговорила Яна.

– А это было преднамеренное и заранее просчитанное преступление. – Клавдия Ивановна поджала губы. Глаза ее блестели. Она решительно наклонилась к Яне: – Ты меня сдашь?

– Куда? – не поняла Яна.

– В полицию, а куда же еще? Только я до сих пор не жалею о том, что совершила, и не собираюсь раскаиваться. Просто вот решила рассказать перед смертью хорошему человеку, облегчить душу...

– О какой смерти вы все время говорите? Не пугайте меня! Я бы никогда никому не рассказала... Не знаю, как бы я повела себя на вашем месте. Может, я бы просто придушила его подушкой и не стала бы ничего скрывать. Сколько бы вам дали? Лет десять... А прошло уже сколько?

– Около двадцати, – ответила Клавдия Ивановна.

– Вот! Срок давности истек... Не вините себя. Что сделано, то сделано, – успокоила ее Яна. – Только не пойму, чего вы так заботились о его памяти? Ходили на кладбище...

– Не знаю... Может, угрызения совести? Или уже как привыкла ухаживать за ним, так и продолжала по инерции... Трудно сказать. Ужасная ситуация, да? Убийца на могилке сажает маргаритки, чтобы покойнику и на том свете не удалось избавиться от мучений.

Яна молчала.

– А тут еще новость, – вздохнула соседка.

– Какая?

– Объявился его сын, Евгений. Я потом выяснила, что их с братом усыновили иностранцы по какой-то программе. Тогда несколько десятков детей были вывезены в Норвегию, Данию и Швецию и стали гражданами этих стран. Два мальчика, Владимир и Евгений Скворцовы, были усыновлены и уехали жить в Норвегию, в приемную семью. Теперь их фамилия Сальме. И вот один из них узнал, что я его искала, и захотел приехать в Россию. Мы какое-то время переписывались. Конечно, он очень плохо писал по-русски, с чудовищными грамматическими ошибками, но это и неудивительно... Парню под сорок, лет тридцать прожил за границей. Я рассказала ему почти всю историю его папаши, не стала скрывать, что узнала, с каким ужасным человеком прожила столько лет. Женю это не смутило, и он захотел пообщаться со мной, сходить на могилу к отцу. Вот тоже спроси – зачем? И ответа опять не будет.

Яна промолчала – ей опять стало хуже. Все тело ныло и болело, мышцы сводила неприятнейшая судорога – видимо, снова поднялась температура, спина вспотела, а озноб так и не проходил. В больничном коридоре мерно тикали часы, и этот звук, не меняющийся все время, пока она слушала такой пугающий рассказ, действовал убаюкивающе на сознание Яны. Да и большие зеленые растения были так похожи на искусственные, ни один листочек не шелохнулся у них, казалось, что они дремлют, пригревшись в огромных глиняных горшках.

Глава 3

– Какого черта! Очнитесь! Девушка, да что же это такое? – чьи-то руки нещадно трясли Яну. Пришлось проснуться, хотя пробуждение было не из приятных.

Цветкова открыла глаза и не сразу поняла, где она. Вместо привычной постели она сидела в неудобном плетеном кресле, перед большим залитым солнцем окном. Вокруг растения в горшках. Яна увидела мужчину и женщину в белых халатах. Из-за того, что незнакомцы стояли спиной к окну, Яна смогла разглядеть только их силуэты. Солнечные лучи создавали вокруг них радужный ореол, похожий на ангельские крылья. Пришлось предпринять некоторые усилия, чтобы понять, что она все еще в том самом больничном холле, в котором беседовала с соседкой поздно вечером. При свете дня все вокруг выглядело иначе.

– Да она больна! – Женщина в белом халате дотронулась до лба Яны. – У нее высокая температура.

– Нам вообще большого труда стоило привести ее в чувство, она лежала вся в поту и не приходила в себя, – кивнул мужчина. – Но боюсь, что следовательно все равно захочет задать ей пару вопросов.

– Следовательно? Какой следовательно?

Яна чувствовала себя препаршиво, просто ужасно. Во рту пересохло, спина была покрыта липким потом, а голова вообще ничего не соображала. Видимо, поднялась очень высокая температура.

– У вас сильный жар, – покачал головой врач.

– Знаю, приболела что-то, – сглотнула Яна и поморщилась – горло саднило.

– Мы вас сейчас в инфекционное переведем, в бокс, – сказал врач строго.

– Да вы что? Не лягу я в больницу! У меня всего-навсего насморк, ерунда какая! – возмутилась Яна и резко поднялась.

Тут же в глазах у нее потемнело и она повалилась на руки медиков. Дальше было еще хуже. Яну вырвало прямо на пол и затрясло. Врач тоном, не терпящим возражений, сказал:

– В бокс ее! Удар от температуры!

Сопротивляться не было сил. Ее долго везли какими-то коридорами. Каталка периодически задевала за углы. Голова болталась из стороны в сторону, словно плохо прикрученная к плечам. По лбу стекали капли пота. Она услышала, как кто-то рядом произнес:

– Сразу же жаропонижающую смесь три кубика, противовирусное, витамины... рентген грудной клетки...

Яна уже была согласна на все. Ей сделали укол, дали выпить какую-то невкусную микстуру. Она свернулась калачиком на больничной койке и заснула.

Сон сразу радостно принял ее в свои объятия. Она увидела себя в яркой нарядной одежде, с распущенными волосами у красивого домика, в саду, с лейкой в руке. Ветерок мирно перебирал пряди ее волос. Кругом цвели розы.

«Какое красивое место, – думала Яна. – Меня даже не волнует, почему я здесь работаю садовником. Быть садовником в раю – что может быть лучше! Надо же, как мне повезло».

Вода в лейке не кончалась. И ничего удивительного в этом не было – ведь дело происходило во сне. С нарядного, залитого солнцем крыльца спустился похожий на Санта-Клауса аккуратный старичок с коротко подстриженной седой бородкой.

– Здравствуйте, – кивнула Яна.

– Доброе утро, дочка! Погода-то какая! На небе ни тучки! – Старичок заулыбался, и Яна подумала, что зубы у него наверняка вставные, слишком уж они были белые и ровные для такого-то возраста.

– До чего красивые у вас цветы, – проговорила она. – Просто буйство красок! Просто заглядение!

– Жена моя сажала, все ее стараниями, все ее стараниями, – покачал дед головой и подошел поближе. – А ты думаешь, что вечно здесь будешь?

– А что? Нет? – обиделась Яна. – Я разве плохо работаю?

– Прекрасно, только душонка у тебя гнилая, как эти розы! – выкрикнул старик, внезапно выкидывая вперед руку с грязными обкусанными ногтями.

Яна огляделась и с ужасом увидела как сочные, яркие бутоны роз на глазах превратились в пожухлые черные головешки, словно их опалил невидимый огонь.

– Что это?! – закричала она. – Вы зачем это сделали?!

– Это напоминание о том, что ты о чем-то знаешь и не говоришь...

– Что? Я ничего не знаю! – Яна заплакала от обиды.

– Тебе известно, что эта стерва, моя жена, убила меня! – Старик сдавил ей горло невероятно сильными руками и принялся душить. – А за это я и тебя заберу с собой.

Яна захрипела, взмахнула руками, словно пытаясь отогнать от себя дрянного старикашку, и открыла глаза.

– Проснулись? – над ней стояла медсестра. – Жар спал... Пора бы и встать. Теперь на процедуры – и завтракать.

Медсестра испарилась, ничего не объяснив. Яна же чувствовала себя как в полусне, полудреме... Она огляделась. Полумрак, железная кровать, пустая тумбочка, пустой стол и стул, на котором сидел долговязый нескладный парень с рыжеватыми волосами. Она вздрогнула и пригляделась – стало страшно, что он может превратиться в того самого старикашку из ее сна.

– Я открою жалюзи? – Парень подошел к зарешеченному окну.

В лицо ударил яркий солнечный свет. Она зажмурилась. Страх прошел – Яна узнала своего друга, бывшего сокурсника Лешу Лукина. Теперь он работал патологоанатомом.

– О, нет... – застонала она. – Неужели я попала к тебе? За что? Я же еще не умерла... Или этот злобный старик все-таки замочил меня?

– Узнаю Цветкову, – усмехнулся он. – Я здесь работаю в морге, между прочим... А с утра по всей больнице новость разлетелась, документы твои проверили, и выяснилось, кто в этой новости участвует... Я прямиком к тебе! Что за бред ты несешь? Я не такой уж и старик!

– Ты так тараторишь, балаболка... Ничего не понимаю... Новость... участвует... Что вообще происходит? Ну, Яна Цветкова заболела гриппом. Велика новость! Зачем меня в морг-то? – обиделась она.

Леша подошел к ней и сел на край кровати.

– Ты не в морге, ты в палате, успокойся. Ты же знаешь, что при любой больнице есть морг. Ну, я там работаю, а сейчас пришел к тебе в палату, решил тебя навестить. Это понятно?

– Слава тебе господи! – выдохнула Яна.

– Ты что, ничего не знаешь? – спросил Лукин.

– Чего я должна знать? Я только очнулась... Издеваешься?

– Тебе ничего не сказали? – Леша явно был удивлен.

– Чего сказали? Да не томи! Я же спала все время. – Яна удивленно посмотрела на приятеля.

– Ты хоть помнишь, как вчера сюда попала?

– Я похожа на слабоумную? Конечно, помню! Я приехала навестить соседку, Клавдию Ивановну, – нахмурилась Яна.

– И что?

– И навестила! А потом уснула, наверное... Что потом было, я с трудом вспоминаю. Еще этот сон идиотский, вот он как раз яркий был и запоминающийся.

– А зачем вы с ней в зимний сад-то пошли? – допытывался Леша.

– Поговорить хотели... В палате народ, а там тихо и спокойно. Я поняла, к чему ты клонишь... Что я там делала с утра? Ну, заснула я... А Клавдия Ивановна не захотела меня будить или не добудилась...

– А о чем вы говорили? – спросил Леша.

Яна мгновенно напряглась.

– А что? Какая разница? Так, болтали по-соседски... Она одинокая, хотела, чтобы я ее поддержала, наверное, а что?

– Какие-то секреты были? – допытывался Леша.

– О разном! Зачем тебе это знать? – Яна испугалась, что дрогнувший голос выдаст ее волнение.

– Просто Клавдия Ивановна скончалась ночью. Так рядышком вы и сидели. Ты спала, а она мертвая. Мирный вечерок... с неизвестным началом и известным концом, – вдруг спокойно проговорил Леша.

– Ты что? Не шутишь?

– Какие тут шутки... Вся больница только об этом и говорит. Посиделки с мертвецом... Но вот что тут оказалась замешана именно ты, я почему-то совершенно не удивился.

– Но как же это могло случиться? Умерла?! Бедная Клавдия Ивановна...

– Вот она как раз сейчас у меня в отделении. Сердечный приступ, возраст. Вы же ничего не ели, не пили? – спросил он, явно пытаясь сократить себе работу и избежать дополнительных исследований. Теперь он говорил уже по-деловому, привычно, как бухгалтер может размышлять о квартальном отчете, а плотник – о молотке и гвоздях.

– Да нет же... Ой, какой ужас! – вздохнула Яна.

– Ладно... Ты сейчас сдай анализы, лекарства прими и отдыхай. Очень рекомендую позавтракать. Пусть это и простая овсянка и бутерброд с маслом, но сил прибавится, вот увидишь. А я попозже зайду, принесу сок, конфеты. Я хотел сразу купить, но не успел.

– Спасибо, Леша, мне ничего не надо. – Яна все еще пребывала в шоковом состоянии. Когда он ушел, она даже всплакнула. Так жалко стало Клавдию Ивановну!

«Все-таки она чувствовала, что умрет... И успела облегчить душу перед смертью... И как всегда, почему-то именно я оказалась рядом. Еще этот ужасный сон! Вот теперь так и получилось, что она свои проблемы мне передала!»

Яна решила позавтракать. Она кое-как привела себя в порядок и пошла в больничную столовую, но ее тут же прогнали.

– Вы из инфекционного? С ума сошли, ходите по отделению! Немедленно в бокс! Еду вам принесут в палату!

Яна уныло вернулась в палату.

«Я тут точно долго не продержусь! С ума сойду в этой одиночке! Словно в тюрьме! Почему нельзя общаться людям с одинаковой инфекцией?»

Завтрак принесли, точно такой, как обещал Леша. Вдруг в дверь заглянул мужичок в больничной пижаме.

– Будешь? – спросил он, подмигнув.

– Что? – Яна точно знала, что видит этого человека в первый раз в жизни.

– Ну, это. – Он слегка расстегнул пижаму.

Яну даже в жар бросило.

– Да вы что? Выйдите вон!

– Да я не об этом! Вот, – показал мужчина маленькие мешочки с белым порошком. – Десять рублей.

«Наркотики! – поняла Яна. – Так вот, запросто, в больнице! Совсем обнаглели!»

– А чего так дешево? – спросила она, решив задержать его разговорами, а потом вызвать подмогу.

– Ну вы даете! – уважительно протянул мужичок. – Все возмущаются, что деру дорого, а вы говорите – дешево! Потому что соль – это соленый яд, а сахар – сладкий! Но без этих ядов никак! Жрать-то невозможно! – Он пожал плечами.

– Так это соль и сахар? – Яна вздохнула с облегчением. – А я-то подумала...

– Это здесь на вес золота! Пища диетическая, есть невозможно! Берите, не пожалеете. Сейчас подсолите, и уже есть можно будет!

– Понятно. Вы выслеживаете новеньких, которым родственники еще не успели принести соль и сахар.

– Так берете?

– Давай, два пакетика, и того возьму, и другого, буду рада подсолить кашку...

Мужчина обрадовался, оставил пакетики и поспешил дальше предлагать свой товар.

Яна сдала кровь, приняла таблетки, сделала флюорографию. Пришло время обеда. Тут снова пригодились «приправы» предприимчивого мужичка, водянистый и пресный на вкус суп был просто отвратительным, но с щепоткой соли съесть его было можно. На второе принесли слипшийся шарик из макарон без масла. Видимо, полагавшаяся порция вся ушла на утренний бутерброд. К неаппетитному гарниру добавили кусочек минтая с жалобно торчащими косточками. Отвратительный запах дешевой рыбы совершенно не вызывал желания пообедать, не помогла даже соль. Теплый чай, пахнувший распаренным веником, пить оказалось тоже невозможно. Поэтому, когда в палату вошли Леша с Асей, Яна почувствовала, что мучениям пришел конец.

– Наконец-то! У вас вообще-то совесть есть? Забыли про меня! Я тут с этой больничной пищей с ума сойду! Есть так хочется! – Она бросилась к пакетам и стала выкладывать на стол продукты.

– Во! А говорила, что тебе ничего не надо! – засмеялся Леша.

– Не думала, что люди с температурой могут так проголодаться, – улыбнулась Ася. – Я, когда заболеваю, вообще есть не могу...

– Так это ты... А я ужасно есть хочу! – Яна нашла бутылочку с вишневым соком и сэндвич, обернутый в полиэтиленовую пленку.

– Разогреть бы... Нет здесь микроволновки? – Ася огляделась по сторонам.

– У меня в морге есть отдельная комнатка для сотрудников, там можно разогреть. Хочешь, схожу? – вызвался Леша.

– Нет уж! Спасибо! И холодным съем! Еще не известно, что вы там разогреваете и какие температурные опыты ставите, только представишь – сразу аппетит пропадет! – Яна принялась разматывать пленку. – Спасибо, что вообще еду догадались принести!

– Да не за что! – Ася внимательно поглядела на подругу. – Только ты могла прийти в больницу навестить соседку, которая при этом умерла! Это даже для тебя перебор! Хоть плачь, хоть смейся!

– И не говори! Вообще ты поосторожнее с высказываниями, я же и обидеться могу, – проговорила Яна с набитым ртом.

– Да что ты, я и не смеюсь! Меня эта история вообще из колеи выбила.

– Хоть с врачом-то мне можно поговорить? – Яна продолжала жевать.

– Зачем? Тебе плохо? – спросила Ася.

– Может, мне и не очень хорошо, но мне домой нужно попасть, – ответила ей подруга.

– Полежи хоть пару дней! Приди в себя! На тебя смотреть страшно! – сказала Ася. – Ты представляешь, как выглядишь? Лицо красное, волосы дыбом, руки трясутся...

– Но кто же похоронит Клавдию Ивановну? Ты подумала об этом? Кроме меня, этим заняться точно некому! Я просто обязана это сделать. Она же мне доверилась как никому на

свете... И я должна ей отплатить тем же... А сейчас я могу сделать для нее только это! – настаивала Яна.

– Хорошо, – пожала плечами Ася. – Я тебе помогу?

– Не стоит. Я справлюсь сама! Я себя уже нормально чувствую, точно кризис миновал. – Яна перевела взгляд на Лешу.

– Я тоже не против! Думаю, что пик заболевания уже прошел. Теперь будешь только кашлять и сморкаться. Но курс таблеток необходимо допринимать! Чтобы без осложнений! – Алексей явно был прав.

– Обязательно! Леша, вот ты и поговори, чтобы меня побыстрее выписали, ты же тут всех знаешь. А ты чего такой кислый? – вдруг спросила Яна.

– А ты только сейчас заметила? – усмехнулась Ася. – Он сам не свой, это точно. Вот даже выпить мне не предложил...

– Это на Лукина точно не похоже! – согласилась Яна, с тревогой всматриваясь в друга.

– Я месяц в завязке, – уныло опустил голову Леша.

– Правда? Молодец! Держись!

– Если бы я это сделал добровольно, тогда еще туда-сюда, – уныло проговорил Леша, – но ведь у меня несчастье.

– Какое еще несчастье? Я ничего такого не слышала, ты мне не говорил. Извини, Лешка... Я занята собой! У тебя же все вроде хорошо! Мы даже готовились к твоей свадьбе! Тридцать пять лет! Пора! Мы же все радовались! И что вдруг с тобой случилось?!

Яна знала, о чем говорила. Леша был хорошим, добрым парнем, но каким-то невезучим. Уж очень в личной жизни ему не везло. Вот как внешне он был нескладным, так и с женщинами у него ничего не складывалось... К тому же он еще и алкоголем злоупотреблял, да и работа у парня была нервная. Но все считали, что в хороших руках, при семье он вполне мог завязать с этим делом.

Однако морг – явно не место для знакомства с девушками. У сотрудниц он интереса не вызывал, они знали его слишком хорошо. Периодически появлялись у Алексея девушки, но все равно с женитьбой как-то не складывалось. Мешали и странная профессия, и невысокая зарплата, и пьянство, и непростой характер, и невзрачная внешность. Поэтому друзьям оставалось только пожалеть Лешу.

Парень даже начал серьезно комплексовать из-за своих неудач в личной жизни. Сверстники уже водили детей в школу, а он все не мог себе достойную невесту найти. В общем, Леша почти смирился, что так и останется вечным женихом, с которым никто не захочет строить серьезных отношений. И вдруг произошло невероятное! Очередная возлюбленная по имени Галина вдруг женила Лешу на себе, совершенно неожиданно и чуть ли не силой.

Внешне Лешина благоверная напоминала броненосец «Потемкин» и обладала железной хваткой. Для друзей этот брак стал полной неожиданностью. А уже через месяц совместной жизни и сам Алексей перестал понимать, как он мог жениться на Галине. Потом еще полгода он пытался развестись. Никакими богатствами парень не обладал, имущества, которое можно было бы разделить с супругой, у него не было, поэтому Галина решила вытрясти из него всю душу. Она не хотела отпускать мужа. Развода она не давала, и Леше удалось расторгнуть брак с большим трудом. Но на этом его мучения не закончились.

По наводке брошенной супруги какие-то хулиганы жестоко избили его. Но Алексей был так рад полученной свободе, что даже не заявил в полицию. Яна тогда подумала: «Лукину и так никогда не везло, а теперь еще и семейный опыт такой ужасный! Наверное, теперь он уже никогда не женится, станет закоренелым холостяком. Просто невезуха какая-то!»

Но как ни странно, все сложилось не так, как предполагали друзья. Неудачный брак не заставил Лешу навсегда отказаться от идеи создания семьи. Не прошло и полугода после так тяжело доставшегося развода, как он познакомился с милой девушкой Кларой, ничем не похожей на властную Галину.

Друзьям Лукина Клара тоже показалась ангелом, особенно когда они вспоминали его предыдущую пассию. Сначала никто не поверил, что такое возможно, у Леши всегда все не ладилось – и тут вдруг такая удача! Возможно, сами небеса сжалились над парнем и за тяжелое испытание во время первого неудачного брака он получил награду – возможность создать семью с кроткой, спокойной Кларой. Сначала все решили, что через неделю новая невеста разочаруется и расстанется с Алексеем, но этого не произошло.

Клара не считала, что ей немедленно надо переделать Лешу, она спокойно приняла и его профессию, и небольшую зарплату, и все его странности. Она ко всему относилась с пониманием и абсолютно спокойно. Это как раз такой вариант, который был необходим Алексею, потому что измениться сам он не мог, как ни старался. Друзья поверили, что парень действительно нашел свою вторую половинку, здесь уж точно речь идет о настоящей любви. За Лешу порадовалась даже Ася, с которой у него когда-то случился недолгий роман, не получивший продолжения. И вдруг Яна узнала, что у Лукина опять какие-то неприятности! Она была потрясена.

– Леша, в чем дело? Что у тебя случилось?! – Она даже забыла о своем недомогании.

– Я говорить об этом не могу, ужасно тяжело.

– Если не скажешь, я не буду выписываться из этой больницы, и к тому же переведусь в твоё отделение, – пригрозила Яна.

– Такого я точно не допущу. Раз ты так настаиваешь, то лучше расскажу. Хотя, собственно говоря, не произошло ничего нового. Она просто исчезла. Ушла, без объяснения причин... – сказал Леша.

– Как это?

– А вот так... Съездила в командировку на неделю. Я знал, что встретить не смогу, дежурил в тот день. И мы договорились, что на следующий день встретимся в кафе и отпразднуем ее возвращение. И вот я, как дурак, просидел весь вечер в кафе один, набирал ее номер, который не отвечал...

– Она не пришла? Просто не пришла? Не объяснив причины?

– Она не пришла ни тогда, ни на следующий день, ни через месяц. Я ее так и не увидел больше. Я много раз приходил к ней домой – ты же знаешь, что Клара снимала квартиру. Никого там не заставал. Сходил на работу, узнал, что она взяла расчет в один день, причем очень волновалась при этом и плохо выглядела. Потом удалось отыскать ее квартирную хозяйку, и она мне подтвердила, что Клара собрала вещи за один день и уехала...

– Куда? – спросила Яна.

– Не знает никто, – развел руками Леша.

Яна только сейчас обратила внимание на его осунувшееся лицо и темные круги под глазами.

– Но из командировки-то она вернулась?

– Вернулась, на следующий день уволилась – и все, с концами. Наверняка встретила какого-нибудь парня и влюбилась.

– Но так не бывает! – Яну снова начало знобить, на этот раз от переживаний за друга.

– Бывает, как видишь... Я весь месяц везде звонил, говорил с ее знакомыми. Я сделал все что мог, я пытался ее найти, узнать, что случилось, и все безрезультатно.

– Откуда она родом? – спросила Яна, пытаясь сосредоточиться.

– С Украины...

– Ого! Ты считаешь, что этого достаточно? А конкретнее?

- Не знаю...
- Как ее фамилия? – допытывалась она.
- Лавчук.
- Лавчук?
- Именно так.
- А отчество?

Леша растерянно посмотрел на нее.

- Не знаю...
- Что значит «не знаю»? Что ты вообще о ней знаешь? – Яна была изумлена.
- Так...
- Ты жениться собрался! – укорила его Цветкова.

– Для этого мне нужно ее отчество? Паспорт я у нее не проверял. С родными тоже не знакомился. Как-то Клара сказала, что папа у нее уже умер, а мама жива, но даже ее имени не назвала... А ты думаешь, она к родным поехала? – с надеждой в голосе спросил он.

– Леша, ну я-то откуда знаю? Тут хоть на телевидение обращайся – помнишь, есть такая передача, где ищут пропавших родственников! Надо же что-то делать! Так нельзя.

– Яна, все бесполезно! Она может оказаться где угодно! Я же не знаю о ней почти ничего, даже отчества не узнал. Если мы посвятим этому всю жизнь, и то не справимся! Это надо просто осознать и смириться. Я не могу понять, почему она так поступила со мной? Я точно знаю, что это из-за меня, все не могло так хорошо складываться...

- Это по меньшей мере странно... Ты точно ее не обижал? – Яна задумалась.
- Точно. Не обижал! Я же люблю ее, ты знаешь.

«Может быть, все-таки изменял? Не могла ли она что-нибудь увидеть или прочесть эсэмэску?» – думала Яна.

– Ну что ты, это исключено! Я ей не изменял! Как ты могла такое предположить?! – Леша словно прочитал ее мысли и искренне возмутился.

- Точно? Все вы, мужики, так говорите и не цените счастья, когда оно рядом.
- Обижаешь... – смутился Леша. – Да честное слово...

– Могла она узнать о тебе что-то такое, что способно было выбить ее из колеи? – Яна продолжала допрос.

– Кроме того, что я сутками ковыряюсь в трупах – ничего, но это Клара и так знала, – сокрушенно ответил Алексей.

- А все-таки вы, мужики, эгоисты! – наконец-то заговорила Ася.
- Чего? Что опять началось? То козлы, то эгоисты!

– Только и думаете о себе! Что я сделал? Чего я не сделал? Что я мог сделать? И что мне теперь делать? Ведь причина может быть вовсе и не в тебе! Что-то могло случиться у самой Клары, поэтому она и уехала.

– Не сказав ни слова человеку, за которого собиралась замуж? – покачала головой Яна. – Вот так вот просто взяла и исчезла?

- Да, правда, что-то не складывается! – согласилась Ася.
- Не могли ей что-то наплести про тебя? Ну там, что ты пьешь и закусываешь трупами?
- Ты не знаешь Клару, Ася.
- Как ты – конечно, не знаю... – поджала губы Ася.
- Она вряд ли поверила бы в такое... А даже если бы и поверила, то пришла бы ко мне и спросила об этом прямо...

– Ей было все равно?!

– Да она тоже меня очень сильно любила, можете мне не верить, но я, по крайней мере, так думал и чувствовал...

Яна хмыкнула.

– Хреновая ситуация... И помочь тебе ничем мы не можем. Держись, Леха! Может, еще вернется? И все разъяснится само собой? Зачем придумывать какие-то неправдоподобные версии, когда могут быть совсем простые обстоятельства.

– Я держусь... Вот уже месяц держусь... Но мне без Клары очень плохо, вы же все понимаете... Она была светом в окошке.

– Может, еще объявится и сама все объяснит? На это и будем надеяться, – успокоила его Ася.

– Я каждый день на это надеюсь... – ответил Леша.

Но беседу пришлось прервать – подошла медсестра, сообщившая, что к Яне Цветковой пришел посетитель.

– Кто еще? – удивилась Яна. – Я никого не жду. Может, это Агриппина Павловна?

– Там мужчина. – Медсестра многозначительно посмотрела на нее.

В палату вошел неизвестный мужчина средних лет.

– Следователь Малюта, – представился он весьма официально.

Следователя интересовали взаимоотношения Яны и Клавдии Ивановны. Разговор получился долгим и очень скучным. Особенно много вопросов вызвал вчерашний вечер. Только в конце беседы собеседник объяснил Яне, почему он уделяет этому вопросу так много внимания.

– Клавдия Ивановна написала неделю назад завещание в вашу пользу, Цветкова! А после того, как вы к ней пришли, она и отдала богу душу. Как вам это нравится? У любого возникнут сомнения! – Следователь пристально посмотрел Яне в глаза.

Яна покраснела.

– Да вы с ума сошли! Вот вы меня в чем подозреваете! А я-то думаю, к чему все эти расспросы? Думала, что я вас интересую просто потому, что последней видела Клавдию Ивановну живой! Я могу, конечно, считаться свидетелем, только неизвестно чего, потому что сама потеряла сознание и не видела, как она умирала! До сих пор думаю, что если бы могла, то обязательно оказала бы ей помощь. Но кто виноват, что я сама заболела? А вы меня в каком-то ужасном замысле подозреваете! Вы считаете, что я способна убить человека из-за квартиры?

– Да, звучит, очень неправдоподобно! – В голосе следователя послышалась ирония. – Но вы же знаете, что в последнее время людей убивают и за сотовый телефон!

– Но я-то здесь при чем?

– Я навел справки, один раз на вас уже составляли завещание! – Теперь следователь откровенно злился.

– Да, это правда... Хотите сказать, я всех убиваю ради наследства?! – Яна покраснела.

– Да все говорят, что вы ужасно эксцентричная особа. К тому же видно, что вы явно не в себе.

– Это вы не в себе! – огрызнулась Яна.

– Прекратим этот спор. Тело Клавдии Ивановны будет обследовано самым тщательнейшим образом! И если у следствия возникнет хоть малейшее подозрение...

– Ей же делали уколы в больнице! Можно, конечно, предположить, что я совсем не дурочка и смогла сделать смертельный укол в то же место, что и медсестра в больнице. А яд у меня совсем новый – нанотехнологии, ученые готовились к встрече с инопланетянами, со злыми пришельцами! Он давно разложился на составляющие, и вы ничего не найдете! – Яна уже не могла сдерживаться.

– Я могу расценивать это как признание? – Лицо Малюты скривилось.

– Вы что, шуток не понимаете? – фыркнула Цветкова.

– Я же говорю – вы очень странная... Я тут о серьезном преступлении говорю, а она шутит! Надеть браслеты, шутница?

Яна еще раз подумала, что ее собеседник – крайне неприятный тип.

– Только тогда у меня право на один звонок! И позвоню-ка я своему знакомому, следователю Лебедеву, и попрошу его разобраться, что здесь происходит.

– То есть у вас все схвачено? – Теперь усмехнулся следователь. – Да зачем вы мне сейчас нужны, когда я без ордера на задержание! Живите пока... А потом посмотрим.

Он встал и вышел. Яна показала язык его широкой спине, но нервы ей это не успокоило.

«Позвать, что ли, Лешу? Пусть коньяка принесет. У него неприятности, у меня... Вот вместе и отметим...» – грустно подумала она.

Глава 4

Ничего криминального в гибели престарелой женщины ни Леша, ни независимая группа экспертов не нашли. Да и следователи, видимо, поняли, что находившаяся в критическом состоянии Яна вряд ли была способна на убийство, тем более что не было никаких следов.

Яна сделала все зависящее от нее, чтобы устроить соседке достойные похороны. К счастью, ей помогли Леша и Ася, всячески старавшаяся подбодрить Лукина.

Сейчас они уже возвращались с кладбища. Немногочисленные знакомые и соседи, захотевшие попрощаться с Клавдией Ивановной, на взятом в аренду автобусе отправились в небольшое кафе, в котором должны были состояться поминки. Там их ждала Агриппина Павловна, которая, конечно, не могла не угостить всех собравшихся шедеврами своей выпечки и кулинарии. А трое друзей решили, что в кафе их подвезет Алексей на своей машине. Сейчас они медленно шли вдоль могил в прескверном настроении. К тому же Яна еще не оправилась от болезни.

– Хороший гроб подобрали, добротный, – заговорила заплаканная Ася, зябко поднимая воротничок драпового пальто цвета солдатской шинели.

– Ты так же говоришь, когда я платье примеряю... – откликнулась Яна.

– И одежду Клавдии Ивановне, и платочек хороший подобрала... – продолжила Ася.

– Да ты чего заладила? Подобрала... подобрала... До чего же не люблю я похороны. Это меня всегда из колеи выбивает, – вырвалось у Яны.

– А кто любит-то? Тут уж точно не до веселья, – удивилась Ася.

– Какие-нибудь маньяки, может быть, и любят... – вздохнул Леша.

– Не слышала о таком... – покачала головой Ася и покосилась на Лешу. – А тебе все равно, наверное? Привык уже? Мертвяки и все такое...

Леша рассеянно посмотрел на Асю, вздрогнув, словно до этого думал о чем-то своем.

– О чем ты говоришь? Я же не занимаюсь похоронами. Я исследую трупы. А на кладбище мы провожаем человека, то есть личность, в последний путь. А это значит, что усопший тебе не безразличен. Или ты думаешь, что мне совершенно все равно, когда приходится хоронить знакомых, родственников? Мы, патологоанатомы, не люди, что ли? – обиделся Алексей.

– Извини, не хотела тебя обидеть... Но Клавдию Ивановну ты ведь даже не знал.

– Я здесь, чтобы поддержать Яну, чтобы помочь ей... А аура на кладбище совершенно особенная. Здесь воздух какой-то густой... Возникает ощущение, причем всегда, что здесь кто-то присутствует, наблюдает за тобой, словно оценивает, ждет и спрашивает, зачем и к кому ты пришел. Решает, стоило ли тебя пускать.

Подруги задумались.

– Ты прав, – согласилась Яна. – Думаешь, это души умерших?

– Я не знаю! Я – атеист, но что-то точно есть... Если у душ и осталось что-то на земле, то оно наверняка находится на кладбище, там, где покоится их земное тело.

– И здесь они ждут, чтобы к ним пришли? – Ася поежилась. – Значит, они скучают? Значит, там не так уж и весело? Они смотрят на пришедших и оценивают, забыли их или нет, стараются понять, кто забыл, а кто нет.

– Ну и разговор мы затеяли! – вздохнула Яна. – Кошмар какой-то! Я, например, ужасно не люблю все связанное со смертью, и поминок в компании пенсионеров я точно не выдержу. Я туда не поеду, хоть режьте меня.

– Здрасьте! Мы с Лехой туда вдвоем поедem, что ли?! Чья соседка-то?! – воскликнула подруга.

– Ладно!

Яна чертыхнулась, провалившись в лужицу сразу по щиколотку. Под ногами была каша из снега, песка, льда, воды... Ноги в зимних сапожках уже промокли. Впереди наконец показали ворота, а дорожка стала не такой грязной. В этом месте кладбище только что немного расширили. Рядом были свежие могилы.

Ася внезапно остановилась как вкопанная, Яна от неожиданности налетела на нее.

– Ой! Осторожней! Ты чего так резко тормозишь? Ася, ты что? Идем! Что с тобой? – Яне пришлось остановиться.

Она потянула за рукав Лешу, который продолжал шагать вперед, к теплой машине, и обернулась к подруге:

– Ася!

– А тут новые захоронения, еще без памятников, – проговорила та. Губы у нее дрожали.

– Ну, да... Забор с воротами сдвинули на два метра, и уже вот сколько могил появилось, – подтвердила Яна. – Пошли скорее! Холодно...

– А тут только холмики с венками... – продолжала Ася, словно ее что-то потрясло до глубины души.

– Да что с тобой?! Тут везде холмики! В чем дело-то? Давай, пора отсюда сваливать. – Леша уже нервничал.

– А на одной могиле и памятник, и фотография, – продолжала Ася.

– Ну и что?! Идем скорее! Кто-то подсуетился. Вообще не понимаю, зачем вешать портреты умерших на эти гранитные плиты? Посторонним только пялиться, а знакомые и так помнят.

– Я не могу... Что это? Посмотрите... – Ася, казалось, вот-вот потеряет сознание.

Яна с Лешей посмотрели и увидели холмик, аккуратный дешевый памятник, а на нем надпись «Лукин Алексей Витальевич» и годы жизни. Была указана дата смерти – чуть больше месяца назад, рядом – фотография Леша с грустной улыбкой.

– Ничего себе! – присвистнул Алексей после затяжной паузы, а Яна просто остолбенела.

– Значит, мне это не приснилось?

– Какой тут сон! Я теперь вообще не засну, – пробормотал Леша.

– Может, просто похож? – робко спросила Ася.

– Ага, и родился в один день со мной, и имя, отчество, фамилия такие же, и фотография моя! У чувака своей не нашлось. Я даже помню, где и когда фотографировался! – Алексей засмеялся. Он быстрее всех пришел в себя, хотя увиденное касалось в первую очередь именно его.

– Одно различие... – прошептала Яна, поднимая воротник своей узкой красной курточки. – Дату смерти видел?.. Ты-то жив.

– Вот ведь спасибо! А то я уже как-то испугался, извините... Но ты права, даже если я сейчас помру от сердечного приступа, то дата по-любому окажется другая.

– Но это же все равно не ты! – воскликнула Ася.

– Ты только что заметила? – Алексей уже смеялся по-настоящему. – Я вылез из могилы и хожу тут с вами. Я просто зомби, девочки!

– И тебе смешно?! – удивилась Ася.

– Да, что-то не очень... Чудно как-то! – пожал плечами Леша.

– Я поняла! Это твой брат-близнец! Вот ведь встреча! – воскликнула Ася. – Это сюжет для телепередачи!

– Ага, только я никогда про это не слышал... про брата, тем более близнеца! – хмыкнул Леша.

– Родители не сказали, в роддоме подменили, то есть разлучили.

– Они у меня адекватные были, и если бы у них родилось два мальчика, они не назвали бы их обоих Алексеями, – ответил Леша. – Может, ты считаешь, что приемного отца тоже звали Виталий? К тому же и фотография моя.

– Хорошо! Убедил! Это действительно ты! Но это же абсурд! – Яна тряхнула длинным белым «конским» хвостом.

– Может, кто-то глупо пошутил? – предположила Ася.

Заморосил противный мелкий дождичек, но никто не двинулся с места.

– Одна неувязочка, – сказал Леша, – шутят обычно так, чтобы тот, над кем подшутили, смог оценить юмор... А как бы я это увидел? Я здесь абсолютно случайно и вряд ли еще когда-нибудь смогу тут оказаться. Кто мог предположить, что твоя соседка умрет, что я пойду с тобой на кладбище, что ее похоронят именно здесь, и что мы пройдем мимо и обратим внимание? Кстати, мы с Яной в ту сторону и не смотрели... Если бы Ася не заметила, то я бы никогда об этом и не узнал.

– Точно! Я-то увидела совершенно случайно, – согласилась Ася. – А мы вполне могли пойти и другой дорогой.

– Значит, шутка предназначалась не для тебя. А для кого тогда? – Ася краешком платка стирала тушь, потекшую от неожиданных слез и измороси.

– Я знаю, для кого! – вскрикнула Яна. – Для твоей Клары. Кто-то показал ей этот памятник... Вот чем объясняются и ее подавленное состояние, и быстрый отъезд. У тетки просто шок случился, и ее можно понять.

Усилился ветер, дождь припустил сильнее.

Леша довольно долго молчал, а потом задумчиво произнес:

– Возможно, ты и права... Это ужасно, конечно, но есть в этих словах какой-то смысл... Потому что оба события одинаково нелепы – и внезапный отъезд моей девушки, и необъяснимое появление этого чудо-памятника.

– Согласна, в этом хоть есть какая-то логика, – согласилась Ася.

– Но...

– На такое могла пойти только твоя бывшая жена Галочка. Она же не переживет, если тебе хорошо будет! Спугнула бедную девочку, – Яна стала рассуждать дальше, – или просто на тебя порчу какую навести хотела, похоронив так заживо...

– А это мы узнаем! – кивнул помрачневший Леша.

– Что стоите здесь, молодые люди? Давно уже, и ничего не делаете, – остановился рядом с ними невысокий плотный мужчина в форме охранника.

– Да вот смотрим на могилу, любуемся, – ответил ему Леша.

Охранник пристально посмотрел на Алексея, потом перевел взгляд на памятник, стараясь понять, чем же тот мог так заинтересовать случайных прохожих? И памятник, и живого Алексея Лукина он разглядывал довольно долго.

– Вот ведь черт! Вот ведь... Но почему? Заранее приготовились? А зачем? – весьма резонно поинтересовался он.

– Никто не готовился, в том-то и дело. А нельзя ли поговорить с директором кладбища? Вы видите, что у нас есть серьезная причина, чтобы поговорить с ним? – спросила Яна.

– К директору? – Мужчина снял фуражку и вытер лоб ладонью. – Да он, в общем-то, почти... то есть не общается с народом! Ведет замкнутый образ жизни! Ну как похож, как похож... – Он все еще не мог отвести взгляд от фотографии.

– Чего «похож»?! Это я и есть! – возмутился Леша. – Или ведите к директору, или вызовем ОМОН! Что у вас тут творится? Живьем хороните! Думаю, что директору тоже будет удобнее снять проблему без шума и пыли!

Охранник сделал успокаивающий жест, отошел в сторону и с мрачным видом связался с кем-то по рации. Через минуту он расплылся в улыбке:

– Следуйте за мной, вас ждут. Директор вас примет, согласился проявить любезность.
– Очень хорошо! – вздохнула Яна, а про себя подумала, что и не сомневалась – на прием к директору они уж точно попадут.

Домик администрации кладбища стоял в стороне от центральной аллеи, посреди могил, а возле крыльца были свалены старые памятники. Само здание оказалось трехэтажным, было выкрашено ярко-желтой краской и благодаря большим окнам и высокому крыльцу производило неожиданное впечатление терема, неизвестно почему возведенного в царстве мертвых.

Навстречу им уже спускался широко улыбавшийся моложавый светловолосый мужчина. Благодаря стремительной, легкой походке издала он показался гораздо моложе, чем когда приблизился к посетителям. После беседы с охранником они ожидали встретить мрачного нелюдима и были приятно удивлены, обнаружив, что директор кладбища приветлив и гостеприимен.

– Здравствуйте! Я – директор кладбища Ярослав Львович Забродский. Не часто меня балуют гости, пройдемте ко мне в кабинет, – пригласил он.

Они многозначительно переглянулись с охранником, и тот удалился с таким видом, словно его освободили из-под стражи в зале суда. Кабинет директора выходил окнами на участок земли, где не было могил. Строгий черный лакированный стол, напомнивший Яне гроб, вычурные зеленые бархатные стулья и такой же диван.

– Мне мой сотрудник рассказал интересную историю... Такой смешной случай... – начал он.

– Да, мы заметили, он просто плакал от смеха, – с мрачным видом ответил Леша.

– Ага! То-то мы не смеемся, – кивнула Яна, поддерживая друга, попавшего в неприятную историю.

Начался спор, шумный, яростный. Все кричали – и директор, и стремившиеся докопаться до истины друзья. В конце концов удалось выяснить, что действительно это захоронение на имя Лукина заказала Галина Игоревна... Заказала памятник с фотографией и датами жизни.

– И вы ничего не проверяете?! – возмутилась Ася.

– А что я должен проверять? Сличать каждого покойника с фотографией? Так труп может быть и обгоревшим, и изуродованным... Какие документы предъявляют, по тем и хороним... Зачем этой Галине надо было так поступать с вами – это вопрос к ней или даже к вам! – защищался директор.

– Этот вопрос ей задаст полиция, будьте уверены! – сказала Яна.

– А мне-то что до этого? По документам у меня все в порядке, деньги она все заплатила, памятник установлен. Какие претензии?

– У меня? – уточнил Леша. – Что вы! У меня никаких претензий! Я просто счастлив! У меня разрушена к чертям вся моя жизнь, но я счастлив! Хорошо, что сердце сильное, а так еще неизвестно, чем закончилось бы. Все – замечательно!

– Кофейку? – участливо поинтересовался директор кладбища, вспотев от споров.

При ближайшем рассмотрении Забродский оказался немолодым человеком. Лицо его покрывала густая сеть мелких морщинок. Невысокий, худощавый, очень подвижный, с молодежной прической. Он внимательно смотрел на посетителей, как бы ощупывая их взглядом.

– Эх, все-таки прошли времена, когда люди понимающе кивали, услышав мою фамилию! Было это, правда, давненько – в семидесятых годах, – вдруг решил он предаться воспоминаниям.

– А если не секрет, сколько вам лет? – поинтересовалась Яна.

– Секрет, конечно! – Его большие карие глаза пристально взглянули на нее. – Но такой красивой молодой леди скажу. Мне уже шестьдесят шесть.

Алексей с Асей не поверили.

– Сколько?! Не может быть!

– Да, именно столько, друзья мои. – Ярослав Львович улыбнулся. – А чего вы так испугались? Это же не шестьсот шестьдесят шесть!

– Я издавала лет тридцать дала. Еще подумала, что уж очень молодой директор. Потом мне показалось, что лет сорок, ну, может, чуть больше... – совсем неприлично стала делиться своими наблюдениями Ася.

– Вблизи – сорок? – Забродскому это явно пришлось не по душе. – Значит, сразу плюс десять лет? Что-то у меня с лицом не в порядке... Вроде все делаю, косметолог постоянно предлагает мне самые современные и модные процедуры, обещающие вечную молодость. Врет, значит? – Он улыбнулся, показав свои слишком ровные и явно вставные зубы.

– Почему «врет»? Вам вечной жизни никто не обещал! Если вы в шестьдесят шесть выглядите на сорок, что ж в этом плохого? – Яна заступилась за его косметолога, подумав, что Асе пора носить очки, потому что из-за морщин меньше чем на пятьдесят их собеседник выглядеть никак не мог.

– Я же балетный... – мечтательно развалился в кресле Ярослав Львович.

– Что? – не поняла Ася.

– Балетный... Артист балета я, танцор, – пояснил он, ловко закидывая ногу на ногу.

«Теперь понятно, откуда у него такая выправка и стройность, – подумала Яна. – Не видела ни одной растолстевшей бывшей балерины. Это, видимо, адски тяжелый физический труд, поэтому сила воли, осанка и выдержка остаются с танцовщиками на всю жизнь. У всех артистов балета и особая походка, и посадка головы, и фигура, и общий тонус. Главное, что они не едят помногу по привычке».

– Меня отдали в балет в четыре года, и вот... Ушел я оттуда глубоким стариком по балетным меркам, в сорок лет. Танцевал сначала в кордебалете, лет десять – мои самые счастливые годы – сольные партии, ну а потом сил уже стало не хватать и скатился снова до кордебалета. Вовремя понял, что лучшее время прошло, ушел, считаю, тоже вовремя. Это самое главное в жизни – все поступки, все действия совершать вовремя, не спешить и не опаздывать.

– На кладбище? – недоверчиво посмотрела на него Ася.

Ярослав Львович рассмеялся.

– Я понимаю ваше недоумение. Из-под блеска софитов прямо сюда, на кладбище. Не то искусство! Если бы мне, молодому перспективному артисту балета, кто-нибудь сказал, что я буду директором кладбища, я бы никогда не поверил! Но жизнь – штука сложная... Видите, как получается... Я же, когда из театра ушел, очень многого лишился... Естественно, сначала пытался найти новое место в жизни, как и все наши ветераны. Пробовал стать учителем танцев – не пошло... Не мое это. Нерадивые ученики раздражают. Я сразу срываюсь, да и объяснить ничего не получается.

– Здесь-то спокойнее, – с понимающим видом согласилась Ася под смешок Леши.

– Чтобы быть педагогом, надо иметь призвание, – строго посмотрела на подругу Яна, почему-то встав на сторону Забродского.

Теперь она восторженно смотрела на него, хотя подсознательно чувствовала, что это неправильно; она знала себя – это означало, что он начинает ей нравиться как мужчина, что он ей интересен.

– Танцевать в кабаках, ночных клубах и балаганах было ниже моего достоинства, – потупил взор Ярослав Львович. Было ясно, что он хочет многое вспомнить, но боится чересчур раскрыться перед посторонними. – После сольных партий на самых знаменитых

сценах мира стареть под водочку с селедочкой, в дыму и угаре, и вспоминать прошлое? Эх, сколько наших там спилось, если бы вы знали... Да еще и боль от старых травм. А ничего другого я не умел, поэтому готов был хоть в петлю... Наверное, это называется депрессией. Я даже плохо помню этот период жизни. Спас меня мой бывший врач, травматолог... Много лет он лечил мое несчастное выбитое колено, и мы с ним действительно подружились. Он-то мне и предложил новое и не совсем обычное место работы... Мол, друг у него был, тоже медик, пошел в патологоанатомы, затем заведовал моргом, а потом стал директором кладбища... А в те лихие времена покупалось и продавалось все в буквальном смысле слова, и друг его – неплохой бизнесмен – подсуетился и выкупил всю землю на кладбище, организовал какое-то акционерное общество. А сейчас по состоянию здоровья хочет отойти от дел и ищет порядочного человека, чтобы передать ему бразды правления, но мечтает и на пенсии получать дивиденды.

– И этим человеком оказались вы? – почему-то удивилась Ася.

– Когда мой друг травматолог мне все это рассказывал, я тоже не понимал, какое все это имеет отношение ко мне. И долго не мог поверить, когда это место было предложено мне. Но, вы знаете, меня убедили. Бизнес прибыльный, место спокойное, кто-то же должен и такими делами заниматься... Кстати, не так уж и легко здесь. Я человек тренированный, приученный к соблюдению железной дисциплины. Вот это и помогло. Тяги к спиртному у меня нет, нервы крепкие. И вот уже лет пятнадцать я работаю здесь и ни о чем не жалею.

– А то? Нормально, работа и такая нужна, – задумалась Яна.

– На природе... – не очень уверенно поддержала ее Ася, пытаясь отыскать какие-нибудь положительные стороны.

– Не мне, патологоанатому, судить об этом, – сказал Леша.

– А пойдете, я вас накормлю? – предложил директор кладбища. – Чем-то вы мне понравились.

– И что же у вас тут за еда? – напряглась Ася.

– Вкусная! – Ярослав Львович загадочно заулыбался и предложил гостям следовать за собой.

Заинтригованные друзья вышли из кабинета, обошли дом и направились к выходу с кладбища. В ограде была небольшая кованая калитка. Они оказались на тихой улочке, с одной стороны которой тянулась кладбищенская ограда, а с другой расположился жилой квартал, застроенный старенькими деревянными домами и пятиэтажками, похожими на общежития.

– Райончик так себе, – не смогла не отметить Ася.

Яна же подумала, что, как всегда, оказалась в подходящей компании – адвокат по уголовным делам, патологоанатом и директор кладбища. Опять совершенно невероятный новый знакомый! Невесело как-то это все...

– О чем задумалась? – обратилась к ней внезапно развеселившаяся Ася.

– О том, почему бы мне не оказаться в компании повара, клоуна и ювелира. Но вопрос чисто риторический...

– Райончик и правда не очень! – Ярослав Львович явно обладал темпераментом эстонца. – Да и кто захочет, чтобы из окна квартиры было видно кладбище? Нового здесь давно уже ничего не строят, обходят нас стороной! И старые дома разваливаются. С нашей-то стороны дома поносили, кладбище мне удалось расширить. А теперь местным жителям это не нравится, они постоянно кляузы пишут, что кладбище подбирается к домам, что их бедные детишки уже гуляют среди могилок и прячутся среди оградок! Меня же замучили проверки. И пробы почвы, и пробы воды уже сто раз в кранах этих домов брали! Чудаки! Ничего ядовитого там не находят. У нас же экология! Круговорот белка в природе – естественный процесс! – гордо произнес он.

– Мне бы тоже не понравилось такое соседство. – Ася, мама двух очаровательных дочек, не могла не вступить за местных жителей.

– А кто подумал о моей проблеме? – вдруг спросил Ярослав Львович. – Все живут одним днем, как мотыльки. Наверное, это правильно... Никто не думает о смерти, это скучно, больно, страшно. И при этом все знают, что смертность в нашей стране превышает рождаемость. Что же делать? Вот эти тысячи, миллионы людей... Сегодня человек рядом с нами, радуется и улыбается, а завтра он покойник. И каждое тело надо захоронить, и вы не представляете, сколько на это требуется земли! Это катастрофа! Поэтому все кладбища расширяются, теперь хоронят и в бесхозные могилы, но смертность не снижается.

– Не вдавайтесь в подробности, – попросила Ася, – мне этого дерьма на работе хватает, тоже убийцы, маньяки... И тут у вас такая же веселая тема.

– Ярослав Львович прав, никто об этом и не задумывается, не считает это проблемой, – опять поддержала директора кладбища Яна.

– А нет новых захоронений, нет и денежных поступлений? Так ведь? – уточнил Алексей. – Значит, ваш бизнес пострадает?

– И это тоже... Хотя финансирование все равно идет... Продление аренды за сохранение захоронения, реставрация, окраска памятников, скамеечек, оград. Продажа цветов, венков... У нас же здесь собственные торговые точки, всем удобно приобретать похоронный товар на месте, – сказал директор кладбища, – да и цены у нас умеренные.

Они перешли дорогу и остановились возле пятиэтажного дома, где на первом этаже расположилось кафе. Под приветливым козырьком виднелась нарядная вывеска: «У Ярика».

– Это галлюцинация или совпадение? Кафе действительно называется «У Ярика»? – спросила Ася у самодовольно улыбающегося директора кладбища.

– Нет, вам не кажется... «У Ярика» – это мое детище, мое кафе, тут, рядышком.

– Хорошее название, – одобрил Алексей, – и место веселое... как раз для шумных застолий, то есть для поминок.

– Понимаю и принимаю ваше недоумение, но я не вижу в этом ничего плохого. Кафе еще никому не помешало. Иногда и поминки у нас действительно заказывают. Появились вот свободные деньги, и открыли кафе – это свой маленький бизнес. Там всего пять человек работает, из местных жителей, но еда очень достойная, а повар Павел творит чудеса. Вкусно и по-домашнему! Вам понравится, вы специально сюда приезжать будете, – нахваливал свое кафе директор кладбища.

– Не дай бог, – тихонечко прошептала Ася на ухо Яне.

Обстановка в кафе оказалась совсем небогатой, было только самое необходимое. Однотипные, дешевые столы и стулья из ИКЕА, обычные светильники над каждым столом, темновато и душновато. За маленькой барной стойкой они увидели курносую и веснушчатую девушку. Она сразу же кинулась к боссу с приветствиями и помогла гостям рассесться поудобнее на деревянных стульях с подушками.

– Подай нам, Людочка, телячьи почки в винном соусе, салатика кальмарового. Ну и выпить, – обратился к ней Ярослав Львович.

– Зачем вы за нас решаете? Может быть, я не люблю почки?! – возмутилась Ася.

– Это наше фирменное блюдо! У нас оно совершенно неповторимое, поверьте мне.

«Ася вечно чем-то недовольна и постоянно брюзжит, как старуха. Эх, действительно Сергей редко ее навещает!» – подумала Яна.

Люда быстро принесла кувшин с морсом, бутылку минеральной воды с газом, запотевшую бутылку ледяной водки и корзинку со свежим хлебом. Она ловко разложила столовые приборы и поставила салфетницу.

– Сегодня народу мало? – спросил у нее Ярослав Львович.

– Да вот парочка местных зашла, а теперь и вы... Еще было человека четыре. Завтракали... и все пока.

– Хорошо, – кивнул директор.

Яна обернулась и посмотрела на двоих мужчин с унылыми лицами, сидящих через три столика от них. Перед ними стояли большие порции картошки с грибами и две кружки светлого пенистого пива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.